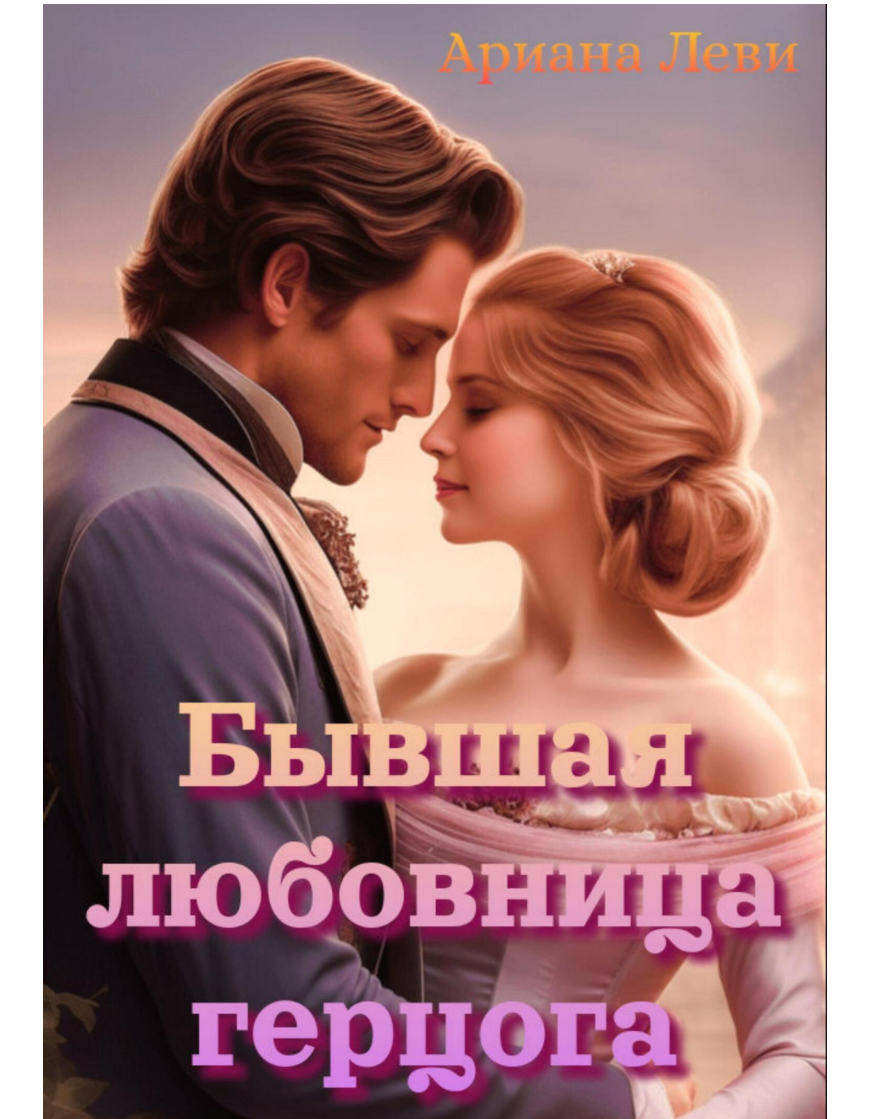

Ариана Леви

**Бывшая
любовница
герцога**

Ариана Леви

Бывшая любовница герцога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70612861

SelfPub; 2024

Аннотация

Угораздило же Зину попасть в прочитанный роман, да не в качестве главной героини, а в качестве её соперницы – отставной любовницы герцога, с которым у героини романа по сюжету будет хэппи-энд! Разумеется, Зина не собиралась строить козни главной героине, как это делала её предшественница, да и жить на содержании богатых любовников – тоже не собиралась. Она – девушка честная, работающая, парикмахерский колледж закончила. Так что будет работать по специальности, может, и салон свой парикмахерский откроет. Что значит, графине не пристало работать?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	60
Глава 8	72
Глава 9	83
Глава 10	91
Глава 11	101
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Ариана Леви

Бывшая любовница герцога

Пролог

Зина любила после работы заходить в открывшуюся недавно "Ленту" – единственную на весь их маленький городок. Там можно было купить всё и сразу: продукты домой, чистящие средства, кое-что из профессиональной косметики для волос, а также любовный роман в мягкой обложке – скоротать вечер. Зина работала парикмахером как раз недалеко от "Ленты" – надо было только пройти через парк, где в любую погоду гуляли, держась за руки, влюблённые парочки, да выгуливали своих владельцев собаки.

Сегодня Зина решила купить новый роман, так как старые уже были читаны-перечитаны не по одному разу. А ей как раз дали премию на работе, так что можно и шикануть. Обложка одного романа привлекла девушку тем, что на ней были изображены мужчина и женщина в старинных костюмах – то ли девятнадцатого века, то ли раньше – Зина в этом плохо разбиралась, но исторические любовные романы любила. Ей казалось, что времена, когда мужчины были джентльменами, безвозвратно канули в Лету, а потому хотя бы почитать о бы-

лых временах – ей было интересно. Она нередко представляла себя героиней такого романа, и втайне мечтала, что, если она когда-нибудь выйдет замуж, то обязательно и непременно её свадебное платье будет напоминать бальное платье той эпохи. Зина даже успела присмотреть себе похожее в витрине свадебного салона – но увы, замуж её пока никто не звал.

И дело не в том, что Зина не была привлекательной – во-все нет: она была миловидной, чуть полноватой барышней со светлыми, отливающими рыжиной, волосами и большими серо-голубыми глазами. Поклонники у неё были, но вот беда: серьёзных намерений ни у кого из них не было.

Впрочем, был один паренёк, который признался Зине в любви – и он-то явно был готов ради неё на многое, в том числе и до ЗАГСа пойти. Вот только самой Зине он не нравился – вернее, нравился, но просто как человек, а не как потенциальный муж. Вертеть парнями девушка не умела, да и не понимала этого, а потому прямо сказала Володьке, что ему ничего не светит.

Затем был Костик, но тому от Зины надо было лишь одно – то самое, что приличная девушка отдаёт только своему мужу: зарплату. Костик не работал и спокойно воспринимал тот факт, что в кафе за них обоих платит Зина, в кино его водит тоже она, и даже куртку зимнюю она ему купила – надо ведь парню в чем-то ходить, пока он найдёт хорошую работу. Вот только поиски работы затягивались, а Зина начала догадываться, что служить кошельком для парня – не совсем

та роль, о которой она мечтает. Остальные же парни просто хотели временных, ни к чему не обязывающих отношений, к которым Зина не была готова. В свои двадцать два года она всё ещё была девушкой, и, хоть ей и было любопытно на собственном опыте узнать, каково это – быть с мужчиной, но она твёрдо решила, что её первая близость будет по большой любви, а не из любопытства.

Увы, но большая любовь в её жизни пока что была только на страницах романов. Бросив понравившуюся книгу в корзину, девушка отправилась к кассе. Сегодня её ждёт незабываемый вечер в компании новых героев, тёплого пледа и большой кружки какао с печеньем.

Уже дома, быстро разогрев ужин и перекусив, сделав все необходимые домашние дела, Зина устроилась в кресле с дымящейся кружкой любимого шоколадного напитка и купленным романом. Бросив взгляд на будильник и прикинув, что у неё есть еще три-четыре часа для чтения, не больше – иначе завтра она рискует проспять работу – Зина открыла роман на первой странице...

Глава 1

По лицу девушки скользнул солнечный луч – он, словно щенок, лизнул ей щёку и постарался заглянуть в глаза. Зина поморщилась и повернулась на другой бок, как вдруг пришло осознание – проспала! Читала до поздней ночи, не в силах оторваться от нового романа – и вот результат! Ох, уволит её Степанида Алексеевна! Но прежде, чем она успела в панике соскочить с кровати, даже прежде, чем она успела шевельнуться, буквально над ухом раздался холодный и властный мужской голос:

– Эжения, я вижу, что ты проснулась. Вставай и собирайся. Сама знаешь, что сегодня ты не можешь остаться – приезжает моя невеста.

Зина в испуге распахнула глаза, чтобы посмотреть, что за мужчина наглым образом проник в её квартиру, да ещё и не один, судя по всему. Мужчину она увидела сразу: тот стоял рядом с кроватью и небрежно застёгивал запонки на рукавах рубашки, которая, к слову, была расстёгнута на груди. Хорошо хоть, что брюки на незнакомце были застёгнуты. Увидев так близко полуобнаженного мужчину, Зина снова зажмурилась, ущипнула себя за руку под одеялом и вновь осторожно приоткрыла глаза. Оп-па!

Мужик никуда не делся, всё также продолжая приводить

себя в порядок, но Зина в этот раз сумела уловить то, чего не увидела сразу: она не у себя дома. Кровать слишком роскошная для её тридцати пяти метров, потолки слишком высокие и с лепниной, бельё постельное явно дорогое, да и зеркало во всю стену напротив – немалых денег стоит, судя по всему.

Следующее, на что обратила внимание Зина – это её собственные руки. Вернее – не её руки. Красивые, холёные, с длинными ухоженными ногтями и тонкими пальцами – они слишком отличались от Зининых пухлых пальчиков, с обрезанными под корень ногтями. Некоторые девочки в салоне умудрялись носить длинные ногти, но Зине они мешали стричь клиентов, а уж плести афрокосы с такими ногтями и вовсе не представлялось ей возможным. Дело в том, что Зина недавно прошла курсы по плетению афрокос, французских кос и брейдов – и ей это очень понравилось. Она бесплатно – только за материал – заплела всех подруг и знакомых, зато теперь набралась опыта и могла приглашать клиенток на дом. Неплохая подработка, а в перспективе Зина мечтала открыть свой собственный парикмахерский салон.

Пока Зина сидела в кровати и тупо рассматривала свои пальцы, мужчина снова повторил:

– Собирайся, Эжения. И давай без этих штук – мы всё вчера обсудили.

Зина вздрогнула, глянула на уже полностью одетого мужчину и внимательно обвела взглядом комнату, пытаясь увидеть ту, к которой он обращался. Однако, кроме них двоих,

в комнате никого не было.

– Эжения, ты меня слышишь? – раздраженно произнёс мужчина, глядя на Зину. Та моргнула. Кажется, этот тип разговаривает именно с ней. Эжения? Разве не так звали одного из женских персонажей вчерашнего романа, из-за которого Зина уснула только ближе к шести утра? Может, она всё еще спит, и ей снится сон?

– Не надо делать такое растерянное выражение лица, дорогая, тебе это не идёт. Знаешь ведь, что на меня эти штучки не действуют. – Продолжал тем временем мужчина. – Ты же знала, что я когда-нибудь женюсь, и что точно не на тебе, так к чему обиды? Прощальный подарок я уже отправил, он ждёт тебя в твоём коттедже. Так что одевайся и поскорее езжай домой.

Тут Зина догадалась опустить взгляд на вроде как собственную, а по факту – незнакомую грудь, и осознала, что сидит она на кровати, одетая в весьма откровенную шелковую сорочку. Пискнув, Зина прикрылась одеялом. Мужчина закатил глаза:

– Мне некогда играть в твои игры, Эжения. Я вызову служанку, она поможет тебе одеться, а мажордом проводит до двери. Прощай.

С этими словами мужчина вышел, а Зина сразу после этого вскочила с кровати, завернулась в одеяло и кинулась к зеркалу, едва не въехав в него головой, поскольку наступила на край одеяла. Затормозив в последний момент, Зина остано-

вилась напротив отражаемой в зеркальной глади незнакомки с золотистыми, слёгка встрепанными волосами, кукольным личиком, роскошной фигурой и длинными ногами. Чтобы рассмотреть фигуру и ноги, Зине пришлось отпустить одеяло, и то свободно сползло на пол.

"Барби, – подумала Зина, – вылитая моя кукла Барби, только живая."

Увлечение Зины парикмахерским искусством как раз и началось с кукол Барби. Как она их только не стригла и не заплетала – они с подругами устроили целый парикмахерский салон, помнится. Даже девочки из других классов приносили ей своих кукол, чтобы Зина им поменяла причёску. И вот теперь напротив в зеркале отражается не она, Зина Осипова, а ожившая Барби.

"Точно, сон!" – решила Зина. Просто события романа перепутались в голове с её собственным детством – и подсознание выдало вот такой странный результат.

Кстати, сцена, которая ей сейчас снится, в романе точно была. Мужчина, который сейчас ушёл – судя, по всему, герцог Лантгарский, а Эжениа – его любовница, которая всю книгу строила козни главной героине и пыталась отбить у неё мужа. Милена Севаньон – так звали главную героиню – была выдана за герцога замуж по договору, никаких чувств изначально между ними не было. Но по ходу развития сюжета герои проникаются друг к другу симпатией и навязанный брак становится настоящим. Эжениа тут ловить изначально

было нечего.

Хотя роман и подавался в антураже исторических костюмов, балов, титулов, интриг и прочего – даже Зине было понятно, что это псевдоисторический роман. Потому что никакого герцога Ланттарского ни в какой стране ни в какое время не существовало. Наверное, этот жанр можно отнести к фэнтези, вот только магии или неизвестных науке существ тут тоже не было.

В этот момент дверь комнаты снова распахнулась, и появившаяся на пороге девушка в длинном строгом синем платье с белым передником, присела перед ней в... кажется, это называется "реверанс"? Или всё-таки книксен, а реверанс – это что-то более долгое, глубокое и для торжественных случаев?

– Миледи, позвольте помочь вам одеться, – бодро проговорила девушка, раскладывая на кровати невесть откуда появившееся в её руках платье. Где и когда успела его взять служанка, Зина не уследила.

Девушка действовала споро, и вскоре Зина оказалась облачена в нарядное пастельно-желтое платье с кружевной вышивкой в районе груди, по рукавам и по подолу. Декольте на платье сама Зина сочла неприличным, но, как она помнила из романа, здесь это было в порядке вещей. Дальше шёл корсет, который служанка по просьбе Зины не стала затягивать слишком туго, а внизу была пышная юбка – словом, платье было именно таким, в котором Зина мечтала когда-нибудь

выйти замуж. Только цвет немного подкачал: было бы белое – и хоть сейчас в ЗАГС.

Все производимые манипуляции Зина выносила с философским спокойствием: всё равно это сон, чего напрягаться? Тот факт, что корсет жал, а рука, если её ущипнуть, болела, Зина объясняла реальными физическими ощущениями. Ведь иногда наши движения во сне повторяет наше тело в реальности: видимо, Зина реально себя ущипнула за руку – потому и больно. А сдавивший живот и ребра корсет – это просто одеяло замоталось вокруг талии во сне. Единственное, что беспокоило Зину – это как бы не проспять работу. Но Зина знала, что во сне и наяву время течет по разному, а будильник у неё громкий, так что и по этому поводу она особенно не переживала, решив насладиться интересным сном.

Когда служанка стала заплетать ей волосы, Зина заинтересовалась. Но та сделала обычную косу, обернула её вокруг головы на манер короны и заколола шпильками. Зина и сама себе часто делала такую причёску, что лишний раз убедило девушку, что всё происходящее – игры подсознания.

Одетую и причесанную Барби-Зину вывели в широкий и светлый коридор второго этажа, проводили по лестнице до дверей и распахнули перед ней эти самые двери.

Спустившись по ступеням и пройдя по мощеной камнем короткой дорожке, Зина подошла к карете, дверцу которой перед ней распахнул мужчина в форменной одежде – видимо, лакей или кучер. Зина послушно села в карету, после

чего та практически сразу тронулась. Девушка любопытно высунула свой нос из-за занавески, и рассматривала городские улицы и дома, по которым проезжала карета. Дома были не выше третьего этажа, каменные, улочки узкие: если навстречу поедет другая карета, то они с трудом разминутся. Лучи утреннего солнца не отражались в стеклах домов бликами, и Зина, присмотревшись, поняла, что в окнах вставлены вовсе не стекла – вернее, не привычные ей стекла, а какие-то матовые их подобия. Точнее можно было бы сказать, рассмотри она их вблизи, а не из окна движущейся кареты, в котором, к слову, стекла вообще не было – лишь занавеска. Людей поутру было мало – как пеших, так и конных, а других карет за всё время пути Зине так и не встретилось. Видимо, для знати время слишком раннее. Зина так подумала и сама себе поразилась: она уже воспринимает этот сон всерьез, какие-то предположения строит.

Домик, возле которого остановилась карета, мало отличался от остальных – разве что тем, что при нём имелся небольшой участок газона. Карета остановилась, лакей снова подал руку Зине, помогая спуститься. Дождавшись, пока Зина подойдёт к парадному входу в дом, кучер-лакей запрыгнул на козлы, шелкнул кнутом, и карета тронулась. Зина проводила её взглядом, а затем посмотрела на дверь. Вряд ли тут нет привычки запираеть двери, а дверного звонка что-то не наблюдается. Взгляд девушки упал на медное кольцо с головой льва, которое служило дверной ручкой и – по смутным

воспоминаниям Зины, основанным на исторических романах – по совместительству, дверным молотком.

Зина протянула руку, дернув за кольцо, но дверь, как и ожидалось, оказалась заперта. Тогда Зина постучала кольцом по двери, стараясь делать это как можно громче. Спустя некоторое время дверь отворилась и перед ней предстал высокий и прямой, как палка, мужчина лет сорока. Мужчина был довольно худощав, но что поражало воображение, так это количество острых углов в его лице, начиная от выпирающего кадыка и торчащего длинного носа, заканчивая подкрученными усами, что топорщились, выступая за пределы узкого лица, и небольшой острой бородки.

Мужчина поклонился Зине и проговорил:

– Ваше сиятельство, вы сегодня рано. Какие будут распоряжения?

Зину вопрос застал врасплох. Она догадывалась, что по сюжету, её персонаж живёт именно здесь, и тот факт, что мужчина её узнал, это подтверждает. Сам мужчина, видимо, что-то вроде дворецкого или мажордома – смотря как тут это должность называется. Зина напрягла память, но так и не смогла вспомнить, упоминалось ли в романе об этом. Такие скучные описания сама Зина обыкновенно пролистывала, о чем сейчас несколько пожалела. Кажется, герцог упоминал именно мажордома, вспомнилось Зине.

Голодное урчание в животе дало девушке подсказку, что ей ответить слуге. Вот же герцог, свин, даже не покормил де-

вушку, которая, судя по всему, трудилась ночью на его благо! При мыслях о том, чем занимались герцог с графиней, щёки девушки запылали: ведь сейчас графиня – это она сама, пусть и во сне. Даже мелькнула мысль, что было бы интереснее, если бы этот сон начался несколько пораньше, но Зина эту мысль отогнала.

– А проводите меня в столовую и прикажите подать завтрак, – махнула Зина по-барски рукой, как в её представлении должна делать графиня.

Даже если Зина что-то сделала не так, вышколенный мажордом ничем этого не показал, поклонившись и пригласив девушку следовать за ним. Зина величественно позволила себя проводить, совсем не величественно при этом озираясь по сторонам.

Глава 2

Зина сидела во главе длинного стола, накрытого белоснежной скатертью, и с ужасом разглядывала столовые приборы, которые раскладывал перед нею лакей. Ложки, вилки, ножи – всего вместе двенадцать штук. И еще какие-то щипцы. А уж, когда лакей стал расставлять на столе разные блюда, перед этим снимая крышку и демонстрируя Зине содержимое всех этих бесчисленных кастрюлек, судочков, горшочков... Она ведь не пир закатить собралась, а просто позавтракать! Опознав в одном из горшочков кашу, Зина сглотнула, а потом, снова приняв величественный вид, обратилась к замеревшему перед ней лакею, что всей своей позой демонстрировал стремление ей услужить:

– Пожалуй, я буду кашу.

Дождавшись, пока лакей положит ей каши, Зина капризно надула губы (ей казалось, что именно так должна вести себя избалованная аристократка) и сказала:

– Я хочу завтракать в одиночестве.

Лакей недоумённо моргнул, оглядел длинный стол, за которым, кроме Зины никого не было, и снова посмотрел на неё, как бы намекая, что она и так будет завтракать одна. Зина вздохнула и переформулировала:

– Я хочу, чтобы ты вышел! Не надо мне прислуживать!

Лакей молча поклонился и покинул столовую, а Зина облегченно вздохнула, откидываясь на спинку стула.

На самом деле она боялась опозориться перед лакеем, взяв не ту ложку или неправильно назвав блюда. Например, на одной тарелке лежали рубленые яйца с зеленью. Как это правильно назвать? Салат? Наверняка у этого есть какое-то собственное название. Остальные же предложенные блюда, кроме каши, ей и вовсе не были знакомы.

Зина выбрала из трёх ложек ту, что больше всего напоминала столовую, поскольку одна из оставшихся была квадратной и больше напоминала лопатку, а вторая была явно десертной. Зачерпнув полную ложку каши, сунула в рот. М-м-м... вкусно! Овсянка с орешками, корицей и кусочками яблок. Кашу Зина съела всю, подчистую. Подумала – и облизала ложку, положив её на то самое место, где она и лежала. Ну вот, теперь будет сложно определить, какой именно ложкой воспользовалась девушка – это на случай, если она всё-таки ошиблась с выбором.

Затем Зина налила себе чаю из стоявшего тут же на столе чайничка и схватила с подноса ароматную тёплую булочку. Вкусотища! Только поев и сыто развалившись на стуле, поглаживая округлившийся животик, Зина вдруг вспомнила, что, вообще-то, во сне не ощущаешь вкуса продуктов, которые ешь. Так как поесть Зина всегда любила, ей часто сни-

лись подобные сны, но никогда до сих пор ей не удавалось насладиться вкусом еды во сне. Один раз в детстве ей даже приснилось, что она спрятала конфету под подушку – в надежде полакомиться ею, когда проснётся. Разумеется, наутро под подушкой ничего не было. Так девочки Зина поняла, что сны и реальность – не одно и то же.

Теперь же у Зины появились смутные сомнения. Чтобы проверить их, ей нужен кто-то посторонний. Поднявшись, Зина скинула на стол салфетку, что постелил ей на колени перед завтраком лакей, и быстро прошла к двери. Распахнув её, она тут же увидела того самого лакея, который, видимо, и не думал уходить, ожидая под дверью. Какая удача, он-то ей и нужен.

– Ущипни меня! – скомандовала Зина, протягивая лакею свою руку.

– М-миледи? – переспросил, заикаясь, лакей, в то время, как его глаза грозили выползти на лоб.

– Ну или сильно сожми – так, чтобы мне стало больно.

– Я-ян-не смею... – бедный лакей готов был сквозь землю провалиться.

– Это приказ! – топнула ногой Зина, сдвигая брови. Кажется, так делают графини, когда сердятся, верно?

Лакею ничего не оставалось, как пожать руку графини, которая сегодня малость не в себе. Впрочем, как многие служащие аристократов, лакей придерживался мнения, что при

таких деньгах и власти, те могут себе позволить странности. Другое дело, что, как всякий здравомыслящий человек, он предпочитал в такие моменты не попадаться им под руку.

Несмотря на то, что лакей действовал аккуратно и еле дотронулся до её руки, прикосновение Зина всё-таки ощутила.

– Теперь отпусти. А теперь снова сожми. А-га... Можешь идти, спасибо.

Лакей дрожащей рукой утёр со лба пот, поклонился и быстрым шагом удалился – от греха подальше.

Зина же задумалась. Может ли быть такое, что сон – вовсе и не сон? Да не, бред. Она бы ещё могла поверить, что перенеслась в прошлое – но ведь события, описанные в романе, не были историческими. Это была фантазия автора. Сто-о-оп! А почему она решила, что она – та самая графиня Эженя де Лавиньяк, а тот мужик в спальне – тот самый Кастлер Оделл, герцог Ланттарский? Только потому, что в романе была похожая сцена, и имя совпало? Этого мало! Что, если она на самом деле перенеслась в прошлое, в тело какой-то графини Эжени? Не книжной героини, а реально существующего лица? Вернее, существовавшего когда-то в прошлом?

От этой мысли Зина даже вспотела. Не бывает таких последовательных и детальных снов! Она чётко видела золотые узоры на белой стене, могла рассмотреть тяжелую ткань на портьерах, вплоть до маленькой, едва заметной, дырочки в уголке, она чувствовала вкус каши, в конце концов! И ей по-

пался орешек, который застрял в зубах и до сих пор там сидит! А еще – чувство сытости в животе... Всё слишком реально. И проснуться не получается.

А значит, что? А значит, нужна какая-нибудь информация. Кажется, в любом доме аристократов должны присутствовать либо библиотека, либо кабинет – там наверняка есть бумаги, которые могут пролить свет на её личность. Вернее, на личность той, кем она стала. Так что Зина отправилась на экскурсию по собственному дому. Жаль, что нельзя попросить кого-то из слуг всё ей показать – это было бы странно.

Но Зина нашла выход: она просто прошлась по дому, заглядывая во все двери с видом инспекционной проверки. Первой на пути оказалась кухня. Заглянув туда и увидев замерших над кастрюлями настороженных поваров, Зина оглядела помещение и, заметив, на одном из столов каплю соуса – ткнула в него пальцем:

– Это что такое? Убрать! – нахмутив брови, скомандовала она, после чего развернулась и вышла. Пусть лучше думают, что хозяйка решила устроить проверку, чем поймут, что она не знает, где что находится. Вот бы еще как-то выяснить, как кого зовут из слуг. Не кричать же им – "Эй, лакей!" или "Эй, мажордом!"

В результате обнаружилось, что на первом этаже из хозяй-

ских помещений только столовая и довольно уютная, но вместе с тем просторная, гостиная, а на втором – её собственные покои, пустующие гостевые комнаты и – та-дам! – кабинет. Вообще, дом был не слишком-то и большим. Всего два этажа и чердак, на который Зина не стала подниматься: библиотеки там явно не будет.

Кабинет был обставлен в типично мужском стиле: массивное кожаное кресло за массивным же столом из цельного дерева, покрытым тёмным лаком. С другой стороны стола – два кресла поменьше, для посетителей. Вдоль стены тянулись стеллажи с книгами и бумагами, на стене, прямо за рабочим местом, был сейф.

Зина подошла к столу и стала разглядывать лежащие там бумаги. Странно: язык незнакомый, но при этом слова Зина понимает, и прочитать написанное может. Разве это не доказательство, что происходящее – сон? Или всё дело в том, что она сейчас в чужом теле и пользуется чужими знаниями? Ведь она и общалась с окружающими вполне нормально, только сейчас осознав, что говорила с ними не на русском. Интересно, что это за язык? Судя по певучим интонациям, похоже на французский. Выходит, она во Франции в прошлом? Жаль, что Зина изучала только английский, да и то могла сказать только "Вотс ёнейм" и "Хау ду ю ду".

Тут взгляд Зины привлёк конверт, подписанный золоты-

ми чернилами. Красивые ровные буквы с завитушками складывались в слова, которым Зина отказывалась верить:

"Её сиятельству, графине Эжени де Лавиньяк".

В голове у Зины зашумело, и она не сразу поняла, что держит в руках приглашение на бал. Бал по случаю помолвки герцога Ланттарского и графини Траутской. Главных героев романа "Мелодия моего сердца" – того самого, купленного ею накануне.

Дрожащей рукой девушка достала из конверта приглашение и прочитала формальный текст, мол, глубокоуважаемая графиня, ждём вас на балу по случаю помолвки тогда-то во столько-то, надеемся на ваше присутствие. Но в конце была приписка, сделанная другой рукой: "Только попробуй проигнорировать бал и выказать тем самым пренебрежение моей невесте: ты меня знаешь, мало не покажется". И подпись: "Кас".

В этот момент Зина поняла две вещи: первая – это то, что она попала не в прошлое, а именно в этот злополучный роман; вторая заключалась в том, что Кастлер Оделл – чурбан бесчувственный. А нет, три вещи: Эжениа – дура, потому что встречалась с этим чурбаном и мечтала стать его женой.

"Хотя, – запоздало вспомнила Зина, – там ведь не столько она хотела за него замуж, сколько её папаша на это под-

бивал".

Отец Эжени был обычным мелкопоместным бароном, удачно пристроившим дочку за пожилого графа. В итоге дочь стала графиней, а после смерти мужа получила этот коттедж и небольшое ежемесячное содержание. Остальное имущество покойного графа отошло его наследникам. Сама Эжениа, будучи молодой и привлекательной вдовой, жила в основном на те деньги, которыми её снабжали любовники. Они же дарили ей драгоценности и покупали роскошные наряды. Словом, Эжениа была, что называется, содержанкой – и это её вполне устраивало. Но амбициозный барон, её отец, решил, что, раз его дочь из баронессы стала графиней, то вполне может из графини стать герцогиней. Родитель стал планомерно капать дочери на мозги, чтобы та окрутила герцога Ланттарского, любовницей которого являлась последние пару лет – и выскочила за него замуж.

Зина понимала, что Эжениа – далеко не святая, да и образ жизни она вела весьма сомнительный, но каким же чурбаном надо быть, чтобы вот так требовать явиться на свою помолвку с другой, женщину, с которой до этого был вместе два года? Даже если между ними не было никаких особых чувств, надо же понимать, что это всё равно бьёт по женскому самолюбию.

Странное дело, когда Зина читала этот роман, герцог ка-

зался ей идеальным мужчиной – красивый, умный, властный, и, в то же время, нежный и заботливый по отношению к собственной жене. А вот Эжениа выглядела натуральной стервой, неуравновешенной и жестокой. И только теперь, оказавшись на месте Эжениа, Зина смогла взглянуть на ситуацию под другим углом.

Взгляд Зины упал на настольный календарь. Если дата вставлена правильно, то... бал через два дня. Через два! Бал, на котором ей, судя по всему, придётся появиться, чтобы избежать неких последствий, на которые намекал герцог. А она не знает, какой ложкой кашу есть – не говоря уже о танцах и прочем! Сон это или нет, а опозориться на балу не хотелось. Может, ну его, этого герцога? Не убьёт же он её, в конце концов?

Глава 3

Пока Зина размышляла, крутя в руках приглашение, в кабинет заглянул мажордом.

– Ваше Сиятельство? Вы здесь? Вот, – проговорил он, протягивая Зине черную продолговатую шкатулку, – доставили сегодня утром от герцога Ланттарского.

– От герцога? – с интересом покосилась на шкатулку Зина. А, наверное, тот самый "прощальный подарок", о котором мужчина упоминал. Ну, или очередные угрозы. Зина аккуратно взяла шкатулку в руки и посмотрела на мажордома, который не спешил уходить.

– Также хочу напомнить, Ваше Сиятельство, что через час прибудет портниха для окончательной примерки.

– Примерки? – как попугай повторила Зина.

– Да. Ваше платье для предстоящего бала уже готово.

– Эм-м-м... Спасибо, – поблагодарила девушка, – хотя оно мне вряд ли понадобится.

– Простите? – Переспросил мажордом.

– Я говорю, что передумала ехать на бал. Но, платье, наверное, всё равно придётся примерить, раз уж оно уже готово.

– Передумали?.. – Охнул мажордом, побледнев. – Вы уверены, Ваше Сиятельство?.. То есть, простите, это не моё

дело... Но это ведь открытое проявление неуважения – не явиться на бал высшего по титулу аристократа без веской причины. Герцог не простит... Вы позволите дать вам совет?..

Усатый мажордом смотрел на Зину с искренним сочувствием, и Зина поняла: о романе Эжени с герцогом, а также об их расставании в связи со скорой женитьбой последнего, знают, наверняка, все слуги. Что же, совет ей сейчас пригодится.

Зина дала согласие, и мажордом проговорил:

– Вы можете появиться на балу ненадолго, а затем покинуть его, сославшись на плохое самочувствие. Тогда герцогу будет нечего вам предъявить.

– Благодарю. Я... воспользуюсь вашим советом, – постаралась величественно кивнуть Зина. Мажордом улыбнулся, поклонился и покинул библиотеку, оставляя девушку в одиночестве. Жаль, она не знает имени этого отзывчивого усача. Мажордом произвёл на Зину приятное впечатление – этакий добрый дядюшка – и сразу видно, что к Эжени он настроен доброжелательно. И это опять же говорит в пользу того, что не таким уж она была плохим человеком, как описывалось в романе.

А сама Зина решила, что в первую очередь ей нужна ка-

кая-нибудь книга об аристократах, либо учебник этикета – а лучше и то, и другое. Она едва не попала впросак с этим балом, когда решила его проигнорировать. Сейчас, после слов мажордома, она вспомнила, что герцог – это высший титул знати после короля. Графиня всяко ниже его по положению, а потому проигнорировать его приглашение не могла. Это всё равно, как если бы герцог проигнорировал приглашение короля. Выходит, она была несправедлива к Кастелу Оделлу? Он всего лишь предупредил бывшую любовницу, чтобы та не совершала опрометчивых поступков и не устраивала скандал.

Но ведь мог же он не присылать ей это чертово приглашение! Или не мог? Наверное, герцог тоже скован условностями высшего света, и, не пришло ли ему приглашение кому-то из аристократов, это уже было бы демонстрацией неуважения с его стороны? Скорее всего, так и есть. Но, чтобы точно знать, какие законы действуют у местных аристократов, Зине нужна информация. Это важнее танцев или умения пользоваться столовыми приборами – за ошибки ей ничего не будет, кроме косых взглядов или насмешек. А вот если она случайно кого-то оскорбит по незнанию – то последствия предугадать трудно. Так что за пару дней девушке предстоит найти и выучить все правила поведения в высшем обществе.

Оставшийся час до примерки платья, Зина просматривала не слишком обширную библиотеку в кабинете. Из подхо-

дящих по её запросу книга девушка нашла геральдический справочник, тонкую потрёпанную брошюрку "Этикет для благородных леди", а также любовный роман местного производства. Порой из художественной литературы можно куда больше узнать об истории, традициях и прочем, чем из учебников. Вот взять, например, Зину – она всегда училась на "отлично" и "хорошо", а вот все эти аристократические титулы и их иерархию помнит только благодаря прочитанным любовным романам, а вовсе не из школьного курса истории.

Девушка успела только пролистать найденные книги, когда вновь появился мажордом и доложил о приходе портнихи.

Признаться, Зина себе не так её представляла: почему-то в её воображении портниха была полной невысокой женщиной среднего возраста, а на деле... На деле это была деловая, подтянутая брюнетка не старше тридцати. Одета она была в длинную, расклешенную от середины бедра юбку кораллового цвета, белую блузку с кружевным жабо, и коралловый же стильный пиджачок. Волосы забраны в строгую высокую прическу, на лице – умеренный макияж. Прибывшая производила впечатление профессионала своего дела, и назвать её "портнихой" у Зины язык не поворачивался. Модельер, дизайнер – кто угодно, но не портниха.

Коротко, но учтиво поздоровавшись, женщина скомандовала своим помощницам развернуть платье и Зина замерла от восторга: это оно! В этом платье она готова выйти замуж хоть прямо сейчас! Воздушное, на вид невесомое, нежнейшего голубого цвета, оно переливалось на свету. Когда Зина в него облачилась с помощью портнихи и её помощниц, и затем подошла к зеркалу, чтобы оценить свой внешний вид, то забыла, как дышать. Эжениа сама по себе красива, а в этом платье она выглядит настоящей принцессой. А еще цвет платья очень шёл к её глазам, делая те более глубокого голубого цвета. Да и к светлым волосам этот цвет подходил.

Теперь уже Зина не боялась бала, а мечтала поскорее на него попасть. Это же в принципе мечта каждой девушки – танцевать на балу в роскошном платье! Конечно, Зина танцевать не умеет и вряд ли за пару дней научится, но даже просто побывать на балу – уже здорово. И потом, обычно мужчины ведут в танце, и в книгах Зина не раз читала, что, даже если девушка не знает танца, стоит ей довериться мужчине и следовать за его движениями – то всё получится. Так что, вдруг ей всё же посчастливится потанцевать? Тем более, насколько помнит Зина, танцы в романе были описаны вполне знакомые – тот же вальс, полонез. И пусть последний она даже не видела, но вот как танцевать вальс, в теории знает. Жаль, что только в теории...

Девушка так замечталась, что даже не заметила, как ушла госпожа Лавиния – так называли портниху её помощницы. Хотя та прощалась с ней, и Зина ей даже что-то ответила – но это как-то прошло мимо её сознания. Когда ощущение эйфории немного спало, Зина переделалась обратно при помощи горничных и отправилась в библиотеку, изучать найденные книги. Первой она открыла "Этикет для благородных леди", села в удобное массивное кресло в кабинете и углубилась в чтение.

Чтиво оказалось не то, чтобы увлекательным, но познавательным. Зина читала до самого обеда, на который её пришёл позвать мажордом. А вот за обедом Зине пришлось снова попросить лакея оставить её одну, потому как девушка хотела потренироваться. Книгу по этикету она захватила с собой и теперь, разглядывая лежащие перед ней приборы, вспоминала, какой из них для какого блюда, периодически сверяясь с брошюрой. К концу обеда девушка была уверена, что уже не перепутает вилку для салата с вилкой для рыбы.

После обеда Зина решила немного отвлечься от изучения этикета и стала просматривать бумаги, лежащие на письменной столе и в ящиках стола. Ей хотелось найти побольше информации об Эжени, о том, с кем она общалась, с кем дружила. Ведь на балу, помимо герцога, наверняка будут и другие знакомые графини, а она-то их знать не знает. Конечно, вряд ли она тут найдёт портреты всех друзей и подруг графини.

ни де Лавиньяк, но хотя бы какую-то переписку обнаружит, а еще лучше – личный дневник. В романе не упоминалось, что Эжения вела дневник, но в романах многие подробности жизни персонажей авторы опускают, так что всё возможно.

Из найденных писем Эжени, Зина поняла, что чаще всего та общалась с некой Мари ле Фондани – вдовой графа Канопорского, маркизой Лилиан де Бокенфорт и баронессой Клодией Шарде. Смутно девушка припоминала эти имена в романе, но персонажи были проходными и не запомнились. Из мужчин ей писали несколько поклонников, где самым настырным был граф Даниятский: в последнем письме он прямо намекал, что теперь, когда графиня свободна от обязательств по отношению к герцогу, он надеется увидеть её в своей постели. Конечно, там всё было написано более завуалировано, но смысл проглядывался вполне очевидный. Зина возмущенно откинула письмо в сторону: вот нахал! Похоже, Эжения пользуется популярностью у мужчин, и теперь, когда герцог дал ей отставку, Зине придётся отгнать от себя чересчур ретивых кавалеров, претендующих на должность её любовника. Как же это всё неприятно! Еще и не пошлешь ведь графа, маркиза или виконта в известном направлении, отшивать придётся вежливо, в соответствии с этикетом. Единственное, что успокаивало Зину – так это то, что она сама – графиня, и все эти охочие до её тела аристократы, ничего не смогут ей сделать в случае отказа.

Нашла Зина и бухгалтерские книги, заполненные аккуратным почерком самой Эжени. Зина удивилась, поняв, что девушка не пользовалась услугами управляющего либо экономки, а распорядилась всеми финансами сами. Ведь для этого надо обладать определенными качествами и финансовой грамотностью. Похоже, Эжениа – гораздо более интересный персонаж, чем казалось из книги. Жаль, что она так плохо закончила: под конец романа её обвинили в покушении на убийство Милены, которая на тот момент была уже женой герцога и находилась в положении, но, так как прямых улик против Эжении не было, то её не стали лишать титула и сажать в тюрьму, а просто сослали пожизненно в монастырь. Для молодой девушки – а Эжении де Лавиньяк по книге было всего двадцать шесть лет (замуж за графа её выдали в шестнадцать, а вдовой она стала в двадцать) – это ужасная участь.

Разумеется, Зина не собиралась повторять ошибок Эжении: ей этот герцог вообще не сдался. Красавчик, конечно, но с лица воду не пить. А папаша-барон пусть идёт лесом со своими честолюбивыми планами.

Зина по-прежнему склонялась к мысли, что ей снится такой невероятный яркий сон, в котором ей удалось представить себя на месте персонажа прочитанного романа. Раньше бы Зина подумала, что лучше выступить в роли главной героини, но, немного познакомившись с характером герцога,

поняла, что он ей совсем не нравится. Вряд ли бы она смогла жить с таким мужчиной. А вот просто посмотреть на главную героиню и на то, как эта парочка смотрится вместе – это Зине было очень любопытно. Так что теперь ей ещё сильнее хотелось попасть на бал.

Глава 4

Разбирая бумаги, Зина узнала и имена слуг – в одной из бухгалтерских книг были записи о ежемесячной заработной плате каждого в этом доме. Больше всех получал, разумеется, мажордом – его оклад составлял пятьсот франков. Много это или мало, Зина не успела пока понять, так как времени для внимательного изучения данного вопроса у неё не было. Выяснилось, что мажордома зовут Карл, двух горничных – Мила и Дана, повариху – Элен, её помощников – Густав и Эмиль, лакеев – Матис и Блез. Вот и весь состав её прислуги. Даже Зине, которая ни разу не аристократка ни в каком поколении, показалось, что для графини это как-то маловато. Да и домик у неё небольшой – для него в принципе больше слуг не требуется, да и негде их размещать. А если вспомнить, что Эжениа сама вела бухгалтерские книги, то невольно напрашивается вывод, что графиня, если не бедствует, то уж точно не живёт на широкую ногу.

Разложив бумаги по папкам так, как ей удобно, и прибравшись немного на столе, Зина вспомнила о шкатулке, которую прислал герцог и которая так и лежит забытая. Повертев шкатулку в руках, Зина всё же решила её открыть. Вряд ли там какая-то отравка или вообще что-то опасное: по сюже-

ту книги герцог не пытался убить свою бывшую любовницу, значит и Зине нечего опасаться.

Внутри шкатулки оказался комплект из украшений: роскошное изумрудное кольцо в оправе из белого золота, изящные серьги и браслет. Выглядело всё это ужасно дорого, но Зина недоумевала: почему изумруды? У Эжении ведь голубые глаза, разве камни не дарят под цвет глаз? Ну или хотя бы так, чтобы их как-то оттенить? Впрочем, Зина была готова признать, что она ничего не понимает в драгоценностях и в том, как их правильно носить: из всех драгоценностей у неё была только золотая цепочка с крестиком.

Закрыв шкатулку, девушка задумалась, что ей делать с герцогским подарком. К голубому платью этот комплект точно не подойдёт, значит, на бал она их в любом случае не наденет. И насколько прилично вообще женщине принимать такие дорогие подарки? Может, отправить украшения обратно герцогу? Нет, наверное не стоит: если это его прощальный подарок, а она его не примет, не решит ли герцог, что Эжения всё еще на что-то рассчитывает в их отношениях? Тем более, если дела у графини идут не очень, ей не стоит разбрасываться драгоценностями. В конце концов, Эжения их... хм, заработала. Насколько помнила Зина, в романе было специально подчёркнуто, что выплачиваемого содержания графини де Лавиньяк не хватало, и жила она за счёт вот

таких вот подарков. Пусть сама Зина не могла этого понять, но и осуждать Эжению она не спешила. Девочку насильно выдали замуж за старика – тут любая утратит романтические мечты и иллюзии. Неизвестно, насколько пострадала её психика, когда молоденькая девчонка вынуждена была из года в год наблюдать дряхление и угасание своего мужа, и что вытерпела она от его детей, которые были чуть ли не вдвое старше её самой. В романе были намёки на то, что семья графа ненавидит её – понятное дело, наследнички тряслись за своё состояние. В общем, не зная всей истории жизни человека, его мыслей и чувств – не стоит делать о нём поспешных выводов. Одно дело – персонаж в книге, где автор сам сообщает нам, любить или презирать того или иного героя, а совсем другое – реальный человек... А Эжениа для Зины стала обретать черты реального человека – по мере того, как девушка всё больше узнавала о ней и о её жизни.

Драгоценности Зина решила убрать в сейф: разбирая бумаги, она нашла код от него. По мнению Зины, оставлять код от сейфа в ящике стола – всё равно, что оставлять сейф открытым. Поэтому, как только девушка убедилась, что код подходит, она выучила его наизусть, а бумажку спрятала в карман, чтобы сжечь в своей комнате. Дело в том, что в кабинете не было свечей, в отличие от других помещений дома – тут использовалась только закрытая керосиновая лампа. Видимо, в целях пожарной безопасности – здесь же полно бумаг и книг, и открытое пламя оставлять нежелательно.

После этого Зина до ужина изучала в своей спальне брошюру по этикету, пытаясь запомнить, кого, как и в какой последовательности надо приветствовать, насколько глубоким должен быть реверанс для дам разных титулов, а также тренировалась приседать перед зеркалом.

Покои Эжени Зине понравились. Спальня у неё была типично девичья: большая кровать с балдахинном, светлое шелковое постельное белье, большое зеркало во весь рост, белый туалетный столик и еще одно зеркало на нём – но уже поменьше, пара пуфиков, а также три двери. Одна из них вела в совмещенный санузел, где стояла роскошная ванная на изогнутых кованых ножках, а за ширмой был расположен туалет, похожий на мраморный постамент с дыркой вверху и мягким, обитым тканью сиденьем. Вода для слива имелаь – для этого надо было потянуть за цепочку, что висела сбоку. Кранов в ванной не было: видимо, для того, чтобы искупаться, надо просить натаскать воду кого-то из слуг. Зато на полках стояло множество баночек с косметическими средствами, которые Зина решила непременно попробовать сегодня вечером.

Вторая дверь из комнаты вела в гардеробную – и там Зина застряла надолго, перебирая и любуясь платьями, которыми была забита вся комната, а также множеством пар туфель са-

мых разных моделей и цветов. Конечно, в гардеробной были не только платья: девушке удалось отыскать два брючных костюма для верховой езды, были там и костюмы наподобие того, в котором приходила госпожа Лавиния – только из более дорогой ткани, были плащи и накидки для более прохладной погоды и было роскошное белое меховое манто. Зина тут же достала его и примерила – красота! Жаль, за окном не зима, а так бы надела его на бал.

Третья же дверь вела в небольшую гостиную. Здесь стоял чайный столик, кресла вокруг него, сервант с посудой, а еще здесь имелся роскошный белый камин, который, видимо, топили в холодное время года. Из гостиной, соответственно, был выход в коридор.

Туалетный столик в спальне Зина тоже проинспектировала и, кроме косметики, обнаружила там некоторые украшения, выглядящие не слишком дорого. Дорогие, видимо, хранились в сейфе, куда девушка убрала и подаренную герцогом шкатулку. Зина лишь мельком взглянула на множество похожих черных коробочек, занявших три четверти пространства сейфа, да заглянула в один из бархатных мешочков, в котором обнаружились золотые монеты. Подробнее разобраться с тем, какое состояние ей досталось, девушка решила после бала – если до этого момента не проснётся, конечно, обнаружив, что всё это было лишь увлекательным сном. А пока надо сосредоточиться на подготовке к балу. Хотя, вот

драгоценности к платью подобрать всё-таки надо бы...

Ужин был для Зины экзаменом. Лакея она отсылать не стала, и даже наоборот – немного попытала его на предмет того, что за блюда на столе. Лакей, видимо, решил, что графиня его проверяет, и отвечал на вопросы очень подробно, а Зина старательно запоминала – вдруг пригодится. Параллельно она пыталась угадать, кто именно перед ней – Блез или Матис. В итоге пошла самым простым путём:

– Спасибо, Матис, – улыбнулась девушка, когда лакей ответил на все её вопросы.

– Я Блез, миледи, – немного удивленно отозвался тот.

– Конечно, Блез, я просто оговорилась, – и еще одна милая улыбка. А что такого? Её начальница, Степанида Алексеевна, постоянно путала девочек-парикмахерш – и не потому, что не знала, как кого зовут, а просто, как говорится, "по запарке".

Аналогичным образом Зина выяснила, кто из горничных кто. На этот раз угадала – принимать ванну и переодеваться ко сну ей помогала Мила. Значит, вторая девушка – Дана.

В ванной Зина отмокала очень долго. По её просьбе Мила добавила в ванну пену и ароматические масла, а затем без всякой просьбы сделала Зине массаж и натерла её тело какими-то благоухающими кремами. Зина же в это время ду-

мала, что рада побыть хоть немного графиней – пусть даже и во сне. Вот бы еще досмотреть этот сон до момента бала, чтобы успеть хотя бы один танец станцевать...

Наутро Зина проснулась рывком и, открыв глаза, поначалу не поняла, где она находится. Отдёрнув ткань балдахина, узнала комнату Эжени. Значит, всё же не сон, так?

Вчера Зина пребывала в несколько заторможенном состоянии – то ли от стресса, то ли от ощущения нереальности происходящего. Но сегодня её ум был вполне ясен. Она действительно каким-то немислимым образом попала в книгу. Но как? Почему? И где сейчас её собственное тело? Ответов у девушки не было. Одно понятно: пока есть риск, что Зина застряла в этом мире и в этом теле надолго (или вообще навсегда), ей надо как-то вникать в то, что происходит вокруг, приспособливаться к новой жизни. И ни в коем случае не допустить, чтобы Эжению – то есть, теперь её саму – заточили в монастырь.

Значит, вчерашний план остаётся в силе: сегодня Зина дочитывает книги и готовится к балу. На балу поздравляет жениха с невестой и удаляется, сославшись на головную боль. Этот бал Зина помнила по прочитанному роману: тогда Эжения прилюдно унизила главную героиню, а еще сколотила против неё коалицию из местных аристократок, недовольных тем, что герцог выбрал себе в жену никому неизвестную

графиню, вместо того, чтобы обратить своё внимание на тех, кто рядом.

Судя по описанному в романе серпентарию, герцог поступил правильно: выбирать там было не из кого. К тому же у герцога имелись веские причины взять в жены именно Милену – их родители когда-то давно заключили договор о помолвке, и, как только девушка стала совершеннолетней, герцог вынужден был исполнить этот договор. Граф Траутский когда-то оказал огромную услугу герцогу Ланттарскому, которым на тот момент являлся отец Кастлера, так что, выполнить волю отца для нынешнего герцога Ланттарского – было делом чести. Однако всё закончилось хорошо: супруги сумели полюбить друг друга и преодолеть все трудности на пути к счастью. И это прекрасно. Зине нравилась главная героиня романа, и она ни в коем случае не собиралась ей мешать строить семейное счастье. Однако не всегда всё идёт так, как было задумано...

Глава 5

Пока Зина ехала в наемном экипаже, который заказал ей на этот вечер усатый мажордом Карл, она сама себя ощущала Золушкой. От предвкушения чего-то волшебного, Зина нетерпеливо ёрзала в карете, рискуя память платье. Но едва экипаж остановился, и Блез, сопровождающий её в качестве лакея, помог девушке спуститься, как ожидание и предвкушение сменились тревогой и волнением.

Карета отъехала в сторону, чтобы не мешать продолжающим прибывать гостям, и Зина, до этого застывшая извнанием, вынуждена была заставить себя двинуться с места, ступая по красной ковровой дорожке, которая вела к дверям герцогского замка. Да, это определенно был замок или же дворец – не чета её домику. Тогда, утром, Зина лишь мельком окинула его взглядом – мысли её были заняты совершенно другим. Но этим вечером замок предстал перед ней, в свете факелов, во всём своём мрачном великолепии. Окна приветливо светились, но острые башни по бокам от центрального входа, казались рогами неведомого чудовища, а гостеприимно распахнутая дверь – его пастью.

Отбросив пугающие ассоциации, Зина несмело вошла в холл, подавая слуге своё приглашение. В холле уже присут-

ствовало несколько аристократов – поодиночке и парами – они вежливо раскланивались друг с другом и перебрасывались фразами о погоде. Зина же внутри обмирала от страха. Знает ли она кого-то из этих дворян? Что будет, если она пройдёт мимо и не поздоровается? А если у неё спросят что-то, о чём она не в курсе? Словом, Зину обуревали различные страхи, но она всё-таки заставляла себя идти к бальному залу.

Единственное, по поводу чего Зина могла не волноваться – это по поводу своего внешнего вида. Служанки с утра её готовили: мыли, тёрли, мазали какими-то травами, которые имеют эффект дезодоранта – не дают какое-то время выделяться поту и придают коже приятный запах. После чего её облачили в тончайшее кружевное бельё – Зина прямо порадовалась, что роман, в котором она очутилась, просто "косил" под исторический, но мир в нём все же был другим, не нашим. Попади она в настоящий исторический роман, и её наверняка затянули бы в корсет и заставили напялить панталоны. Возможно, еще и парик нахлобучили бы сверху.

А так – никаких корсетов и панталон, а из её собственных волос Мила смогла сотворить роскошную причёску. Поскольку Зине, как профессионалу, это было весьма интересно, то она внимательно наблюдала за горничной в процессе. Поначалу Мила заплела несколько тонких косичек по бокам, чередуя их со свободными прядями, затем забрала все

свободные пряди и сделала из них на макушке "бублик", а после на уже получившейся причёске стала "рисовать" узоры из тонких косичек, закрепляя их с помощью шпилек. В конце Мила всё это великолепии сбрызнула неким составом, который должен придать причёске устойчивость. Зина старательно запоминала, какое средство для чего используется – она пока еще не знала, пригодятся ли ей эти сведения, но впитывать новое в отношении парикмахерского искусства – для неё уже вошло в привычку.

Затем горничные в четыре руки нанесли графине вечерний макияж, который ничем не отличался от современного Зине – и снова спасибо автору за это. Последним штрихом была капелька духов – к слову, духи Эжении Зине вполне понравились. В самую последнюю очередь Зина надела заранее приготовленные украшения: тонкое бриллиантовое кольцо и серьги из одного комплекта, а также кольцо с синим камнем – то ли сапфиром, то ли каким-то другим, возможно, вообще характерным лишь этому миру. Зина не была уверена, что эти украшения можно сочетать, и, даже, кажется, где-то слышала, что с бриллиантами другие камни нельзя носить, но устоять не смогла. Уж очень ей колечко понравилось: просто круглый небольшой камень, но оправка из белого золота сделана так, что кажется, будто кольцо выполнено в виде глаза. И в глубине этого "глаза" таилась такая загадка и такая бездна, что Зина никак не могла отвести от него взгляд. В об-

щем, девушка решила его оставить – на свой страх и риск.

И вот сейчас Зина нервно вертела кольцо на пальце, пытаюсь собраться с духом и войти в зал, откуда доносилась музыка и звучали голоса. Если бы не осознание того, что обратного пути у неё нет, Зина бы сбежала прямо сейчас. Но вместо этого она глубоко вздохнула, нацепила вежливую улыбку и шагнула в зал. Новоиспеченной графине стоило огромных усилий не впасть в ступор от обилия красок: большинство дам были одеты в роскошные платья всевозможных расцветок, и всё это великолепие рябило в глазах.

Зина немного прошлась по залу, подражая неспешному шагу окружающих леди, которые аналогичным же образом прогуливались, внимательно рассматривая других гостей и ища поводы для сплетен. Посчитав, что замереть в одиночестве посреди зала будет глупо, Зина двинулась к столам с закусками и попросила пробежавшего мимо официанта принести ей сока или воды. Официанты сновали между гостями, предлагая тем игристое вино и соки, так что вскоре уже Зина стояла у столов с бокалом сока в руке и выискивала взглядом герцога или его невесту. Графиню Траутскую Зина не видела, но помнит её описание по книге, а потому рассчитывала узнать. Насколько помнила Зина, герцог с невестой должны появиться ближе к танцам, объявить о помолвке, станцевать вместе пару раз – а потом покинуть бал. Для Милены Сева-

ньон, графини Траутской – главной героини романа – этот день должен был стать ужасным: мало того, что герцог практически не обращал на неё внимания, что девушка расценила как неуважение, так еще и пригласил на бал свою любовницу, о чём невесту незамедлительно оповестили "доброжелатели". И, как будто этого мало, та самая любовница сделала всё, чтобы опозорить и высмеять Милену. Но теперь в теле Эжени находится Зина, а она ничего такого делать не собирается. Надо лишь дождаться герцога с графиней, показаться на глаза, поздравить – и вернуться в свой уютный домик, который Зина уже начинала любить.

Но всё пошло не так, как она рассчитывала. Началось всё с того, что перед ней возник невообразимо красивый мужчина – герцог тоже был хорошо собой, но рядом с тем, кто сейчас перекрыл Зине обзор, он и рядом не стоял. Высокий сероглазый блондин, сложенный настолько гармонично, что это казалось невозможным, завладел рукой Зины:

– Графиня, – произнёс он с придыханием, прикасаясь полными горячими губами к её руке, отчего по телу девушки побежали мурашки, – безмерно рад вас видеть! Вы подумали над моим предложением?

Восхищение, которое испытала Зина при виде столь привлекательного субъекта, сменилось удивлением и паникой. О каком предложении идёт речь? Что она должна ему отве-

тить? Боже, да она даже имени этого красавца не знает! И титула! Как к нему обращаться?

Незнакомец, видя гамму эмоций на лице Зины, истолковал её по-своему. Прижав руку к груди в театральном жесте, он воскликнул:

– Как же так, миледи? Не хотите ли вы сказать, что не читали моё письмо? Ах, вы ранили меня в самое сердце!

Письмо?.. "А не тот ли это ловелас, что сделал мне в письме неприличное предложение?" – подумала Зина, и оказалась права. В следующий миг блондин приблизился к ней и жарко прошептал на ушко, касаясь того губами:

– Я рассчитываю отныне видеть вас в своей спальне так часто, как мы оба этого захотим.

Зина отшатнулась от красавца и возмущенно выпалила:

– Не знаю, за кого вы меня приняли, но вы ошиблись! Я – честная девушка!

Граф Даниятский – а в том, что это именно он, у Зины не осталось сомнений – рассмеялся, как будто услышал хорошую шутку.

– Дорогая моя, когда вы были девушкой, я только учился держаться в седле!

Зина же к этому времени взяла себя в руки и попыталась отшить графа:

– Невежливо напоминать леди о возрасте, милорд. Простите, но, кажется, я вижу знакомых.

С этими словами Зина обошла мужчину и направилась в толпу гостей. Разумеется, никаких знакомых она там не увидела – да и откуда бы им взяться, она же не Эжения – но понадеялась, что граф отвяжется и не пойдёт за ней. Так и вышло: красавчик лишь рассмеялся ей вслед, но что-то подсказывало Зине, что он так просто не оставит её в покое.

Увы, её тактическое отступление привело к тому, что Зину заметила какая-то рыжеволосая леди в красном платье, которая подхватила девушку под локоть и поволокла её куда-то, при этом тараторя:

– О, дорогая, ты всё-таки решила пойти! Какой мужественный поступок с твоей стороны. Мы ждали, что ты подашь весточку – и готовы были проигнорировать этот бал вместе с тобой, но ты молчала... Так что мы здесь. Хотя наша Клодия всё равно бы пошла – баронессе не с руки идти против герцога, ты же понимаешь... Но мы с Мари тебя бы непременно поддержали.

Пока женщина – а подхватившая её под руку была скорее женщиной лет тридцати, чем юной девушкой – продолжала

свой монолог, в голове у Зины в усиленном режиме крутились шестерёнки. Мари... Клодия... Неужели она попала в лапы закадычных подружек Эжени? Похоже, что так.

– Леди, смотрите, кого я вам привела! – жизнерадостно воскликнула рыжая, подводя Эжению к группе из двух молодых женщин. Обе брюнетки, но, если одна выглядит старше и уверенней, то другая кажется её бледной робкой тенью. Выходит, одна из них – Мари ле Фондани, графиня Канопорская, вторая – баронесса Клодия Шарде, а притащившая её сюда леди, методом исключения, является маркизой Лириан де Бокенфорт? Но как понять, кто из брюнеток кто? Логичнее было бы предположить, что более робкая – это баронесса, как обладательница наименее значительного титула в их компании, но Зина не спешила с выводами. Характер от титула не всегда зависит.

– Приветствую вас, леди, – кивнула Зина обеим брюнеткам сразу, выбрав наиболее общую форму приветствия, чтобы не произносить имён, в которых до конца не была уверена. В ответ та из брюнеток, что покрупнее и держится более высокомерно, кивнула в ответ, а более худенькая и робкая – едва уловимо присела, скорее обозначив реверанс, чем действительно его сделав. Выходит, Зина оказалась права в своём изначальном предположении: робкая – это баронесса. Только ей из присутствующих по титулу полагается приветствовать графиню подобным образом. Как же хорошо, что

Зина не теряла времени даром и изучила брошюрку по этикету. Самой ей проще – реверанс она должна делать только перед герцогом или королём. Есть плюсы в высоком титуле, как ни крути.

Глава 6

Стоя в кругу закадычных подруг Эжени, Зина искала и не находила повода, чтобы сбежать. За время их общения, леди перемыли косточки всем аристократам, попавшим в поле их зрения. И, хотя для Зины было полезно узнать об окружающих её людях, она сомневалась, есть ли в тех сведениях, которыми снабдили её "подруги", хоть доля правды. Не потому, что леди сознательно стремились ввести её в заблуждение – а потому, что сами этим заблуждениям с удовольствием верили. Ну не могла Зина принять за истину информацию о том, что маркиза Сусанна ле Потер – почтенная матрона шестидесяти с лишним лет и весом за сотню килограмм, имеет пятерых любовников – и это при том, что она замужем, есть дети и даже внуки. Причем любовники не из простого народа – а сплошь аристократы, поговаривают даже, что сам герцог Ланттарский в её постели отметился.

Зина на это лишь закатила глаза: чего только люди от скуки не придумают. Лилиан заметила этот жест, но поняла его по-своему:

– Ой, прости, – затараторила она, делая притворно-сочувствующее лицо, – нам не стоило упоминать герцога. Но всё-таки, Эжени, что ты теперь будешь делать? Станешь бороться-

ся за Кастлера?

– Нет, Лили, – Зина уже поняла, что между собой женщины общаются без лишних формальностей – и сама стала этому следовать. – Герцог сделал свой выбор, о какой еще борьбе может идти речь?

Лица сплетниц вытянулись. Зина мысленно себе дала себе подзатыльник, осознав, что, видимо, Эжениа рассказывала о своих коварных завоевательских планах подругам. И почему она не читала книгу более внимательно? Так нет же, Зину интересовали, в первую очередь, отношения главных героев, а второстепенные моменты она просто перелистывала – так хотела пораньше закончить читать, чтобы успеть выспаться. Выспалась.

– Я знаю, в чем причина такой резкой перемены планов Эжении, – хитрым тоном начала Мари, – она решила обратить свой взор на другого герцога.

– Но как же? – удивилась Клодия. – Ведь у нас всего трое свободных герцогов: один – это герцог Ланттарский, а два других...

Мари в ответ ехидно захихикала, а к ней присоединилась Лилиан. Зина же сохраняла невозмутимый вид, хотя ей было интересно, чем вызвана такая реакция сплетниц.

– В самом деле, Эжени, – проговорила Лили с издевательской ухмылкой, – почему бы тебе не обратить внимание на герцога Таргионского? Он весьма хорош собой – жаль, про-

живёт недолго. Впрочем, тебе ведь не привыкать? Твой первый муж был ненамного моложе, если не ошибаюсь.

Зина проследила за взглядом Лилиан и увидела седого и сморщенного старичка, который сидел в окружении пожилых дам на специально расставленных для этой цели по периметру зала стульях. Это и есть герцог Таргионский?

Зина только головой покачала: вот тебе и подруги. Разве будут стараться настоящие подруги ужалить побольнее, как это сейчас сделала Лилиан? Это Зине без разницы, что она там говорит про замужество Эжени, которое никак нельзя назвать счастливым, а самой Эжени наверняка было бы больно и неприятно подобное напоминание. Как и намёк, просквозивший в словах "подруги".

– Или, может, – подхватила Мари, – ты заинтересовалась мрачным и нелюдимым герцогом Монтеберским? Что с того, что на лицо урод, и ходит с трудом? Зато богат, да и герцогский титул, опять же.

Зина снова проследила за взглядом – на этот раз Мари – и увидела темноволосого мужчину среднего роста и возраста, который стоял в одиночестве, небрежно прислонившись к колонне. Даже издали было заметно, что всю левую сторону его лица пересекает ужасный багровый рубец со рваны-

ми краями. Зина содрогнулась при мысли о том, в результате какого несчастного случая мог появиться такой шрам.

Её дрожь не укрылась от собеседниц, и те довольно заулыбались.

– Что ты такое говоришь, Мари! – в притворном ужасе воскликнула Лилиан. – Ты ведь знаешь, что герцог Монтеберский убил свою первую жену! Говорят, это она оставила ему эту жуткую отметку на лице – бедняжка отчаянно сопротивлялась...

– А я слышала, будто он пытался спасти её, но не смог и сам при этом пострадал, – робко вклинилась Клодия в разговор.

– Не говори глупости, Кло! – одёрнула её Лили. – Это всё сказки для наивных простачков – надо же как-то оправдать, почему герцог до сих пор на свободе. А правда в том, что он просто оказывает королю какие-то важные услуги – вот тот его и не трогает...

Последние слова Лилиан произнесла, сильно понизив голос и оглядываясь по сторонам. Сплетни сплетнями, но про короля такие вещи вслух лучше не произносить.

Зина вновь взглянула на герцога Монтеберского, пытаясь угадать, какая из двух озвученных версий ближе к истине. Скорее всего, никакая – едва ли кто-то из посторонних зна-

ет правду о том, что произошло в семье герцога и с ним самим. В этот момент герцог, словно почувствовав, что на него смотрят, поднял глаза – и встретился взглядом с Зиной. Девушка смутилась, поняв, что мужчина застукал её за разглядыванием его шрама – и поспешила отвести взгляд, понимая, что такое поведение с её стороны может быть неприятно мужчине. Ей внезапно стало очень стыдно за то, что она стоит тут и слушает сплетни об окружающих людях – пусть даже сама ничего плохого ни о ком не говорит, но раз стоит и слушает – значит, поощряет. Бросив ещё один взгляд на герцога, она не увидела на его лице недовольства – лишь кривую усмешку. Должно быть, мужчина уже привык к повышенному вниманию, которое вызывает его лицо.

Зина уже решила сказать, что ей надо отойти в дамскую комнату – и сбежать таким образом от милейшего общества гадюк, но тут разговоры смолкли, а в центре зала появились виновники сегодняшнего торжества – герцог Лантгарский со своей невестой, графиней Траутской. Милена была одета именно так, как описывалось в романе: её платье казалось, было отлито из чистого золота, что на смуглой коже графини смотрелось просто великолепно. Её чёрные кудри были распущены в этот вечер – такова традиция для тех, кто становится невестами, а глаза, хоть Зина их и не видела, но знала, что они должны быть "цвета клейкого зеленого листочка, только появившегося после суровой зимы". Она даже на-

изусть запомнила эту строчку, так ей понравилось сравнение. Правда, Зина не могла представить себе, что глаза могут быть такого цвета, но это было так красиво и поэтично описано, что на такие мелочи она решила не обращать внимания. Сейчас же ей было интересно поглядеть вблизи на цвет глаз главной героини.

В остальном Милена полностью соответствовала описанному в книге образу: невысокая, очень женственная фигурка, рядом с массивным темноволосым герцогом она смотрелась ещё более хрупкой, чем была на самом деле.

"Какая красивая пара!" – восхищенно подумала Зина, даже порадовавшись в тот момент тому, что попала в роман и смогла увидеть главных героев своими глазами. Не каждому читателю удаётся увидеть такую визуализацию героев!

Но тут взгляд главной героини обратился прямо на неё – и всё очарование как ветром сдуло. Милена смотрела на Зину настороженно и с изрядной долей презрения.

"Донесли уже!" – мысленно вздохнула Зина, понимая, что дружбы у неё с главной героиней, скорее всего, не получится. Какая девушка в своём уме станет дружить с любовницей мужа, пусть даже бывшей? Нет, наверное, найдутся и такие, но вряд ли главная героиня к ним относится. Да и самой Зине лучше держаться от неё и от её мужа подальше – во избежание, так сказать.

Тем временем герцог представил свою невесту, объявил о помолвке, а также открыл бал танцем с будущей герцогиней. После чего бал начался уже для всех, её собеседницы ожились, а сама Зина стала потихоньку пятиться в направлении столиков с закуской. Если она возьмёт в руки бокал с соком или тарталетку, едва ли кто-то её в этот момент станет приглашать. Потанцевать, конечно, хотелось, но опозориться при этом – не очень.

Отступая спиной, Зина случайно на кого-то наткнулась – и тут же почувствовала чьи-то руки на своей талии. Обернувшись, встретилась взглядом с серыми глазами наглого блондина.

– Графиня! Какая удача – и сама плывёт мне в руки! – Пошутил граф Даниятский. – Позвольте пригласить вас на танец.

Зина хотела отказаться, но граф, фактически, не оставил ей выбора, выведя на середину зала и не убирая руки с её талии.

Зазвучала музыка, и Зина, до этого момента переживавшая, что своим неумением танцевать выдаст себя, поняла, что танец даётся ей на удивление легко. Тело словно само знало, что надо делать, а граф оказался превосходным танцором, и вёл вполне уверенно. Впрочем, Зина не сомнева-

лась, что граф делал превосходно всё, что так или иначе связано с соблазнением женщин. Танцы определенно входили в этот список.

Расслабившись, Зина стала получать настоящее удовольствие от танца – даже несмотря на то, что красавчик граф не просто держал её за талию, но и легонько поглаживал, очевидно провоцируя. Об этом говорила его коварная ухмылка и внимательный взгляд, которым тот следил за реакцией девушки. Зина же не обращала внимания на графа – она просто наслаждалась: танцем, движением, тем, как закручивается вокруг ног её юбка, повторяя с запозданием движения тела. Вот теперь она – точно Золушка, жаль только, что "принц" не замуж её хочет, а просто хочет. И не её даже, а тело, в котором она оказалась.

Поглядев на блондина, Зина ослепительно ему улыбнулась, благодарная за этот танец. Молодой человек как-то сразу расслабился и усмехнулся в ответ. А то до этого он странно её рассматривал, словно сомневаясь, тот ли перед ним человек. Но сейчас Зине, видимо, удалось усыпить его бдительность.

– Благодарю за танец, графиня, – с легким поклоном, граф поцеловал её руку. – Так я могу рассчитывать на ваш положительный ответ?

– Я бы не хотела говорить об этом сейчас, – уклончиво ответила Зина, не представляя, как ей всё-таки избавиться от настойчивого внимания графа. Любовницей его она точно не собиралась становиться – и вообще, образ жизни Эжени ей был совершенно не по душе. Вероятно, надо что-то делать для исправления её репутации. Или не надо? Сегодняшний вечер наглядно показал Зине, что сплетни всё равно будут – так стоит ли стараться?

– Что же, я буду ждать вашего решения, графиня, – снова поклонился блондин, и неожиданно подмигнул ей, добавив, – но не слишком долго.

Зина невольно рассмеялась: вот прохвост! Пожалуй, с ним было бы интересно общаться, если бы он оставил свои смущающие девушку поползновения в её сторону – уж с ним общаться всяко веселее, чем с гадюками, то есть, "подругами".

Глава 7

После танца с графом Даниятским, Зину еще несколько раз пытались пригласить, но девушка отказывалась, поскольку не была уверена в танцевальных навыках предполагаемых партнёров. Это с графом у неё всё получилось, а если остальные пригласившие совсем неважно танцуют? Словом, девушка всё-таки продолжила свой маршрут по направлению к закускам – тем более, что на нервной почве ей на самом деле захотелось есть.

Зина уже успела увидеть, как кушают леди: двумя пальчиками берут таралетку и откусывают от неё понемногу, хотя сама Зина сунула бы её в рот целиком – что там откусывать-то, когда та по размеру на один укус? Но этикет есть этикет, приходится соответствовать.

Так что стояла она, точила потихоньку таралетки одну за другой, никого не трогала. Как вдруг увидела надвигающуюся на неё катастрофу в лице главной героини.

В романе эта сцена была несколько иной – там Эжениа сама искала возможности поговорить с главной героиней с глазу на глаз, а потому Зина решила, что если не будет проявлять инициативу, то и разговора никакого не состоится. Но, судя по решительному виду Милены Севаньон, разгово-

ра избежать не удастся. Ну, хоть того, что должно последовать дальше, не случится: по книге во время этого разговора, Эжениа специально подставит девушке ножку, та споткнется, для удержания равновесия ухватится за скатерть стола, и опрокинет на себя блюдо с пирожными.

И тут происходит невероятное: Милена всё-таки спотыкается, начинает падать, хватается за скатерть – и пирожные приземляются ей на голову, стекая кремом по лицу и одежде. Миг – и Милена, вся заляпанная кремом, орешками и джемом, сидит на полу, хлопая глазами, которые оказались тёмно-зелёными, как бутылочное стекло – сравнение не самое поэтичное, но зато самое удачное и близкое. "Вот кому бы подошли изумруды" – возникла в голове у Зины несколько неуместная в данной ситуации мысль.

Однако другие мысли отказывались приходить: Зина просто не могла понять, как так получилось? Она ведь ничего не делала, не ставила подножку. Почему главная героиня упала? Неужели... сюжет не изменить? И, что бы Зина не делала, а финал всё равно будет один? От этой мысли Зину пробрала дрожь. Впрочем, она подумает об этом позже, а сейчас надо помочь Милене, которая затравленно озирается на хихикающих и перешептывающихся гостей, даже не пытаясь при этом подняться. Нет, вот ведь какие гады! Ни один не попытался помочь, хотя открыто смеяться над будущей герцогиней тоже никто не решился, но и их тихих смешков бы-

ло вполне достаточно.

Зина шагнула к графине Траутской, протягивая той руку, и тут...

– Что здесь происходит?! – буквально над ухом раздался рык, от которого Зина подпрыгнула и развернулась на месте, как была – с вытянутой рукой. Узрев перед собой герцога Ланттарского, Зина поспешно опустила руку – поскольку это выглядело, будто она собиралась обменяться с герцогом рукопожатием.

– Эжжже-эния! – прорычал герцог её имя, сверля девушку гневным взглядом. – В чём дело?

– Ни в чём, милорд, – спокойно ответила Зина, придя в себя, и в спешном порядке изобразив реверанс. – Графиня оступилась, и я хотела ей помочь подняться.

Её слова несколько не уменьшили гнева в глазах герцога, но к гневу добавилась подозрительность. Герцог так и застыл, сверля её взглядом, а в Зине с каждым мгновением росло недоумение.

– Милорд? – Не выдержала девушка. – Вы не собираетесь помочь своей невесте?

Кастлер Оделл словно опомнился, бросил на Зину еще один испепеляющий взгляд – и обратил, наконец, внимание

на будущую герцогиню, которая так и продолжала сидеть на полу. Сделав шаг к Милене, герцог протянул ей руку:

– Миледи, – проговорил он, и та ухватилась за протянутую ладонь, – вы сильно пострадали?

– Нет, это пустяки, милорд, – дрожащим голосом проговорила девушка, поднимаясь и кидая ненавидящий взгляд в сторону Зины.

"Не поняла? – захотелось завопить той. – Что я ей сделала-то, что презрение сменилось ненавистью? Я ведь далеко стояла, она должна понимать, что это не я ей подставила ножку!"

Кстати, вот вопрос – кто это сделал? Зина обвела взглядом зал, увидела своих "подруженок", который стояли с довольными улыбками – их, видимо, радовали любые неприятности, происходящие с другими людьми. Увидела и остальных, с кем успела познакомиться сегодня – очно или заочно. Все стояли полукругом, освободив место происшествия, и сказать, кто именно толкнул графиню – не представлялось возможным. Она могла даже сама запнуться – ведь смотрела на Зину, а не себе под ноги, когда шла. Впрочем, последнее маловероятно: споткнуться на ровном полу бального зала – это надо сильно постараться.

Из романа Зина знала, что против кандидатуры Милены Севаньон в герцогини были многие столичные аристократы. Ведь Милена – приезжая, даже её смуглая кожа и слишком

тёмный цвет волос отличали девушку от местных аристократок, которые мазались различными кремами и носили широкополые шляпы, чтобы избежать загара. Брюнетки тут были, но их цвет волос был не слишком тёмным. Черноволосых же не было вовсе.

Но и это еще не все: главная причина всеобщего недовольства – это то, что герцог пренебрег местными леди, привезя графиню из провинции. Тот факт, что графиня – юная невинная девушка, а на местных леди пробы ставить негде, аристократией не учитывался. Тем более, что во времена своей бурной молодости герцог лично "опробовал" практически каждую из присутствующих аристократок, так что мог бы и выбрать одну из них. А ему, видите ли, чистоты и невинности захотелось! О том, что герцог был связан договором помолвки, из высшего света практически никто не знал, а те, кто знал – особо не распространялись. Самому же герцогу жена была не нужна – ни невинная, ни "виновная". Это потом, узнав свою будущую супругу получше, герцог проникнется к ней чувствами, а пока что его волновали только его статус и репутация – именно поэтому он злился, что его будущая жена подверглась такому унижению, а на чувства самой девушки ему было плевать.

Зина всё это знала из романа, но всё равно не могла понять, почему герцог первым делом не бросился к невесте.

Похоже, он ещё больший чурбан, чем ей казалось. Такой вообще никакой жены не заслуживает: и Милена, и Эжениа – обе слишком хороши для него.

Уведя свою жену, герцог Лантгарский практически сразу вернулся в зал – и это тоже не добавило ему очков в глазах Зины. Она понимала, что он не может бросить гостей совсем – в конце концов, это его гости – но он мог бы задержаться, утешить девушку, на которую и так столько всего навалилось. Узнать по достижении совершеннолетия, что ей предстоит выйти замуж за незнакомого человека – уже само по себе является шоком. А то, что этот человек даже не пытается наладить отношения – угнетает ещё больше. Еще и это унижительное падение!.. Неужели герцог настолько чужд любых проявлений эмпатии?

Покачав головой, Зина отбросила всякие мысли о Кастрелле Оделле, чувствуя, что разочаровывается в главном герое. В книге переход от холодности к влюблённости и нежности был описан так постепенно, так плавно, что вопросов не возникло. Но сейчас, глядя на герцога, Зина думала о том, что люди не меняются в такие короткие сроки. Ведь до свадьбы осталось меньше трёх месяцев – и к этому моменту у героев должна уже появиться взаимная симпатия. Даже на самой неплодородной почве растут растения – но тут почвы нет, сплошной лёд. Откуда же вырасти чувствам?

Однако куда больше отношений героев, Зину волновало её собственное будущее. В монастырь не хотелось категорически. Но, если события книги идут так, как должны – вне зависимости от действий самой Зины, то есть риск, что это – её реальное будущее. Ведь в книге говорилось, что против Эжени не было прямых улик, что не позволило судить её по закону, а потому её просто сослали в монастырь. А если прямых улик не было, девушку вполне могли подставить – недоброжелателей у Милены хватает, как, впрочем, и у герцога. Да и у самой Эжени они наверняка имеются. Те же сыновья графа Синопского, вдовой которого она была. Да и мало ли еще кто – завистливые подруги, отвергнутые поклонники.

В общем, обвинить в попытке покушения на жену герцога его бывшую любовницу – самый очевидный вариант. Мотив у неё имеется, а остальное уже мало кого волнует. Вывод: Зине надо сделать так, чтобы всем стало очевидно, что никакого мотива вредить герцогине у неё нет. А вот как это сделать – вопрос, над которым предстоит подумать. Можно, конечно, еще попытаться предотвратить покушение на герцогиню Ланттарскую, но Зина опасалась, что тем самым сделает только хуже. В книге Эжени, сделав подножку Милене, не пыталась помочь ей подняться, а просто отошла в сторону вместе со всеми. В итоге, никто её не подозревал, кроме

самой Милены. А в этот раз она оказалась в кругу рядом с Миленой – и, естественно, у герцога возникли подозрения. Наверняка и остальные гости, кто не видел, что именно произошло, а видел только результат, подумали, что это бывшая любовница специально унизила будущую жену.

Таким образом, пытаясь избежать событий в книге, Зина сделала себе только хуже. Теперь все точно поверят обвинениям против неё. Значит, нужно не просто избегать событий сюжета, а сделать нечто такое, что никак в него не сможет вписаться. Что-то такое, что сделает невозможным даже самую мысль, будто покушение на герцогиню могла заказать Эжения.

От невеселых мыслей её отвлек граф Даниятский, который вновь подошёл пригласить её на танец. И Зина с радостью согласилась, ухватившись за возможность отвлечься и прогнать дурное настроение. Граф на этот раз не предпринимал никаких попыток к соблазнению, а был на удивление мил, обходителен и весел. После танца он отвёл девушку на место, но не покинул её, а продолжил развлекать разными смешными историями из жизни. Зина хохотала так, что забывала порой, где находится – и лишь недовольные взгляды прочих аристократов, обращенные на них, заставляли девушку вспомнить о приличиях.

"Вот может же быть милым, если захочет, – думала Зина, слушая очередной рассказ графа и любуясь его очаровательной улыбкой, создающей ямочки на щеках. – Вот кто чутко чувствует настроение окружающих и пытается им помочь. Жаль, что бабник, а так – отличный парень. Не чета Кастлеру Оделлу."

Когда графа окликнули его друзья, и тот, извинившись, оставил Зину, она решила, что с неё на сегодня хватит. И так её визит на бал должен был быть намного короче – но всё пошло не по плану.

Решив так, Зина направилась к выходу. Прощаться она ни с кем ни стала – по этикету это не обязательно, а желания видеть кого-либо у неё самой не было. Выйдя в холл, девушка направилась к дверям, но тут её окликнул знакомый властный голос:

– Эжения!

Обернувшись, Зина устало взглянула в глаза герцогу Ланттарскому. Ну, чего ему еще от неё надо?!

– Да, милорд? – вымученно улыбнулась девушка, мечтая только о том, чтобы побыстрее свалить домой. Присесть в реверансах перед герцогом она не стала – виделись уже, в этом случае повторного реверанса не требуется. Брошюрка по этикету всё же сильно выручила Зину – без неё, она бы просто не знала, как себя вести.

– Что это было, расскажешь? – сузив глаза, обманчиво спокойно спросил герцог. Выдавали его гневные искорки в глазах.

"Ну, началось!" – подумала Зина. Сейчас герцог начнёт её пытаться на тему, чего она добивается, унижая его будущую супругу – и всё в таком роде. И ведь не объяснишь ничего – всё равно не поверит.

– Не понимаю, о чём вы, милорд, – тем не менее, ответила Зина. Однако герцог начал говорить что-то совсем странное.

– Не понимаешь?! – Рыкнул Кастлер Оделл. – Не ожидал от тебя такого легкомыслия! Зачем он тебе, Эжени? Ты ведь знаешь его репутацию – ни одной юбки не пропускает. Еще не хватало тебе что-нибудь подхватить от него...

При этих словах герцог брезгливо сморщился, а Зина поняла, что ничего не поняла. Ясно только то, что герцог говорит не про свою будущую жену. А про кого тогда?

Зина впервые видела герцога так близко – в то утро, когда она оказалась в этом мире и, одновременно, в спальне герцога, она была слишком озадачена, хотя это и не помешало ей оценить его мужскую красоту. Сейчас же она впервые могла детально рассмотреть его лицо: упрямый подбородок, чувственные губы, крупный, немного мясистый нос, тёмные густые брови, нависающие над переносицей, будто крылья хищной птицы, а под бровями – пронзительные, гневные карие глаза. Довершали образ широкие скулы и короткие пряди тёмных волос, падающие герцогу на лоб в художествен-

ном беспорядке. "Такая прическа герцогу очень идёт," – как-то машинально отметила Зина.

– Эжения, граф Даниятский – не лучший кандидат в любовники! – подвёл итог своей странной речи герцог, чем расставил, наконец-то, всё на свои места. Правда Зина от этого потеряла дар речи. Так это он про Даниятского говорил? Должно быть, видел, как они с Эженией мило беседовали и как она смеялась. Но, какое, спрашивается, герцогу до этого дело?!

– Простите, милорд, но почему вас это беспокоит? – прямо задала Зина вопрос, ответ на который не могла найти.

– Я... – начал было герцог, но потом запнулся. – Я просто волнуюсь за тебя, Эжени. Всё-таки, не чужие люди. Не хочу, чтобы твоя репутация пострадала.

– Пострадала сильнее, чем сейчас? – Зине стало весело. – Что ж, пожалуй, я прислушаюсь к вашим словам, милорд.

Тот, довольно кивнув, развернулся, чтобы уйти, но Зина добавила:

– Возможно, вы, на правах старого знакомого, тогда порекомендуете мне кандидатуру получше? Раз уж граф Даниятский вас не устроил?

Герцог скрипнул зубами и снова обернулся к ней.

– Я полагаюсь на ваш вкус и ваше благоразумие, графиня, – сквозь зубы ответил он, и, развернувшись, размашистым шагом направился обратно в бальную залу.

Зина лишь головой покачала. Ну и ну! Что это вообще такое было? Вместо того чтобы утешать свою невесту, или пытаться выяснить, кто её толкнул – герцог принимает участие в выборе следующего любовника для своей бывшей. И пусть сама Зина не собиралась заводить вообще никаких любовников, ситуация показалась ей до смешного абсурдной.

Забравшись при помощи Блеза в нанятую карету, Зина откинулась на спинку сиденья и порадовалась, что этот безумный день наконец-то закончился. Впереди горячая ванна и сон!

Глава 8

Зина бежала со всех ног, но понимала, что не успевает. Она видела, что внимание Милены приковано только к очаровательным ребяташкам из приюта, которых она приехала навестить. Позади неё служанка доставала из кареты корзину со сладостями и игрушками, а Милена спешила к детям, не замечая, как прямо на неё несётся всадник с лицом, замотанным черным платком.

– Милена! – крикнула девушка в отчаянии, понимая, что не успевает спасти главную героиню, и надеясь, что сможет хоть криком дать ей понять о приближающейся опасности.

Милена услышала, затормозила и посмотрела в её сторону.

– Беги! – из последних сил, задыхаясь, крикнула ей Зина. – Сзади!

Милена начала повочариваться, но медленно, слишком медленно. Секунды, на которые она отвлеклась, услышав крик Зины, стали для неё роковыми: всадник затоптал несчастную девушку прямо на глазах у детей – и поспешил скрыться. Выжить после такого было нереально: Зина своими глазами видела, как копыто лошади опустилось на кудрявую головку главной героини.

Дрожа, Зина опустилась в пыль, в ужасе прижимая руку

ко рту. Что же она наделала? Хотела помочь, а в итоге убила главную героиню! По книге ведь та не должна была умереть! Если бы Зина её не отвлекла своими криками – та вовремя бы заметила опасность и отскочила. Ведь стук копыт невозможно не услышать! По книге преступник лишь задел её по касательной!.. Она выжила и даже не потеряла ребёнка. А теперь Зина виновата в гибели двух ни в чем не повинных существ...

Откуда ни возьмись появились мужчины в форме королевской полиции. Тело герцогини накрыли простыней, часть мужчин опрашивала находящуюся в шоке служанку, часть – персонал детского приюта. Двоё подошли к Зине, подхватили её под руки, заставляя встать, и один из них чеканным голосом проговорил:

– Графиня, вы арестованы по обвинению в убийстве герцогини Ланттарской. Свидетели в один голос утверждают, что это вы помешали ей спастись. Более того, есть улики, указывающие, что это вы наняли убийцу. Вам грозит лишение титула и смертная казнь. Пройдёмте.

Зина покорно плелась за представителями закона. Смертная казнь. Не монастырь. Правильно, она заслужила. Она убийца. Последнее, что видела Зина в своей жизни – это палач, опускающий топор на её покорно склонённую голову...

Зина в ужасе открыла глаза, села, пытаясь отдышаться и огляделась вокруг. Немного успокоилась, осознав, что находится в спальне – к сожалению, не в своей собственной, а

в спальне Эжени. Но, к счастью, смерть главной героини, её неродившегося ребёнка и собственная казнь – всё это ей только приснилось.

Интересно, это подсознание вытащило её собственные страхи наружу – или же это на самом деле вещей сон? Кто-то или что-то – возможно, сам мир или же автор книги – таким образом сообщает Зине, что её вмешательство в сюжет приведёт к катастрофе. Возможно такое? Раньше Зина сказала бы, что невозможно. Но после попадания в мир книги, Зина готова была поверить даже в зелёных человечков, ворующих людей на опыты, чего уж говорить про вещие сны.

Придётся принять за рабочий вариант то, что автор не хочет, чтобы Зина вмешивалась в сюжет и пыталась спасти главную героиню. И он чётко дал понять Зине, что такая попытка приведёт к обратному результату. Даже если Зина всё надумала, и ничего такого не произойдёт – проверять страшно.

Милена по книге выживет в любом случае – значит, смысла особого спасать её нет: серьёзно она не пострадает. А вот в случае вмешательства Зины – может произойти всё, что угодно. И не факт, что события сложатся наилучшим образом – тут и снов вещей не надо, чтобы это понять.

Что же это значит? Что Зине надо смириться с ролью злобной бывшей любовницы и покорно уехать в монастырь, когда придёт срок? Ну, уж нет! Так и быть, Зина не будет вмешиваться в сюжет во всём, что касается главной героини.

ни и их истории любви с герцогом. Пусть всё идёт, как идёт – текст романа не пострадает. Но! Во всём этом есть одно "но": повествование в романе идёт от лица главной героини. А это значит, что сама Эжениа появляется только в нескольких ключевых моментах, остальную жизнь этого персонажа читатели не видят! Эжениа в романе – словно не живой человек, а чертик из табакерки, выскакивающий только тогда, когда надо сделать какую-то пакость. А своей собственной жизни у неё как будто и нет.

Именно поэтому Зина ничего не знает о том, что за человек была Эжениа, с кем общалась, как звали её слуг... Кто её друзья и кто враги. Вся задача Эжениа в тексте романа сводилась к тому, чтобы пакостить главной героине и строить против неё козни, а под конец – отправиться в монастырь в качестве получившего по заслугам зла. А то, что у остальных персонажей романа, помимо главных героев, тоже есть своя жизнь – так об этом упоминать не стоит, роман же не о них.

Что же это значит? А это значит, что Зина-Эжениа может творить в свободное время всё, что душе угодно – важно лишь появляться в поле зрения героев в те же моменты, в которые это происходит по книге. Пакостить Зина не собиралась – да в этом и не было необходимости, как она поняла: это совершенно ни на что не влияет. Главная героиня всё равно получит свой набор пакостей – сюжет об том позаботится.

А это значит, что в своей собственной жизни Зина всё-

таки более-менее свободна. И это радует!

Следующие несколько дней Зина просидела в кабинете, читая книги, которые там хранились, и вникая в своё финансовое состояние, которое оставила ей настоящая Эжениа – если та вообще когда-либо существовала. А то, возможно, мир романа ожил только потому, что Зина в него попала? Это как в компьютерной игре – те локации, в которых в данный момент игрока нет, не прогружены, и "оживают" только в момент появления в них игрока. Правда, если верить такой теории, то все люди вокруг неё – не настоящие. А это несколько... пугает.

Нет, всё же Зина решила считать реальностью то, что с ней происходит. Она мыслит, осознаёт себя и окружающий мир, взаимодействует с ним. Если это – не реальность, то, что тогда считать реальностью вообще?

Словом, Зина разбиралась в записях Эжениа, занималась подсчётом финансов и пряталась от графа Даниятского.

Да-да, настойчивый граф буквально осаждал её дом, ежедневно отправляя девушке букеты, а то и приезжая сам. Зина предупредила всех слуг в доме, что для графа Даниятского её нет, а сама жалела, что не дала на балу решительный отказ. Если бы она знала, к чему это приведёт!.. В собственном доме прячется, как в осажденной крепости. Одна надежда – что графу рано или поздно надоест, и он поймёт, что ему тут не рады. Нет, Зина была бы не против общаться, дружить, но столь бесцеремонные попытки навязать девушке своё обще-

ство – откровенно раздражали, особенно, учитывая, с какой целью они предпринимались. Если бы мужчина с таким рвением добивался её руки – она бы, пожалуй, не восприняла это в штыки. И уж точно дала бы шанс им узнать друг друга получше. Но ничьей любовницей она быть не собиралась – ни в своём мире, ни в этом. Зачем ей бесперспективные отношения? Ей любовь нужна, чувства, свадьба, дети. Семья, одним словом. Зачем ей чужие посторонние мужчины? Зачем те нужны были Эжени, Зина уже поняла. Проведя ревизию всех имеющихся средств, оценив доходы и расходы, девушка пришла к неутешительному выводу: денег им хватит всего на несколько месяцев. Если не найти источник дохода, графиня Эжениа де Лавиньяк отправится по миру. Если раньше её в монастырь не упрячут или вообще не казнят. Мда...

Но Зина по жизни была оптимисткой, а потому привыкла не сидеть и переживать из-за проблемы, а искать способы её решения. Нет денег и не готова быть чьей-то любовницей на содержании? Выход один – деньги нужно заработать. А что умеет Зина лучше всего? Стричь, заплетать, красить, завивать. Сколько себя помнит, Зина мечтала открыть свой парикмахерский салон, даже деньги откладывала на эту цель. Но копить ей таким образом лет десять надо было, не меньше. А тут – помещение есть, деньги – пока что тоже есть. Считай, все условия. А для начала неплохо бы разведать обстановку.

Тем же вечером, перед сном, когда служанка расплетала ей косу на ночь, Зина аккуратно поинтересовалась:

– Мила, а кто тебя научил делать такие красивые причёски?

– Мама, миледи.

– А кто у тебя мама по профессии?

– Так горничная, Ваше Сиятельство. Она работает у маркизы ле Потер.

– А бабушка?

– Бабушка тоже была горничной и работала у Маркизы ле Потер, но сейчас стала слишком старая и живёт в деревне. У неё своё хозяйство небольшое. Десяток кур, корова, пара свиней...

– Так-так, отлично, – перебила её Зина, не желая слушать о том, какое хозяйство у бабушки Милы. – И что, все в твоей семье были горничными?

Прямо династия горничных какая-то!

– Все женщины, миледи. Мужчины по-разному: отец конюхом был, дед – лесорубом...

– Хорошо-хорошо, – снова перебила разговорчивую девушку Зина, и вернулась к тому, что интересовало её, – значит, тебя научила мама делать причёски, а её – твоя бабушка и так далее, да?

– Да, миледи?

– И что, все горничные умеют так? – спросила Зина.

– Конечно, – недоуменно ответила Мила, – иначе кто её,

неумеху, возьмёт на работу?

– То есть, всем леди делают прически горничные?

– Ну, да.

– А если леди не хочет такие прически, которые делает её горничная? Что тогда?

– Тогда леди меняет горничную, – пожала плечами Мила, расчёсывая волосы Зины. Внезапно Мила напряглась:

– А почему вы спрашиваете, миледи? Я... Вы... Вы хотите меня уволить? Вам не нравится, как я вас заплетаю?

Казалось, девушка вот-вот расплечется, и Зине пришлось её успокоить, заверив, что выгонять она никого не собирается. По крайней мере, пока есть чем платить зарплату слугам – но это Зина вслух не сказала.

– Значит, в городе нет такого места, куда бы леди могла прийти и сделать прическу? А как же простые дамы. не аристократки?

– Те, кто побогаче – тем тоже горничные делают, а остальные к цирюльнику ходят или сами справляются, – охотно ответила девушка, убедившись, что никто её не увольняет.

– Ага! – обрадовалась Зина. – Значит, цирюльни тут есть?

– Есть, конечно, как не быть? Только благородным леди, вроде вас, там делать нечего. Там и стригутся-то в основном мужчины – матросы, обросшие за время плавания, шахтёры, вернувшиеся с вахты, простые горожане. Девушки всё же либо сами за волосами ухаживают, либо просят помочь маму, сестру, подругу. Я вот сама заплетаюсь, а на праздники мы с

Данкой помогаем друг другу сделать красивые прически.

Так, а вот это уже не слишком хорошая новость для Зины. С одной стороны – никакой конкуренции, а с другой – услуга-то, как таковая, и не нужна. Зина успела на балу оценить прически знатных леди: там были и завитушки, и разного вида косы, и сложные "многоэтажные" прически, какие они с девочками в салоне обычно на свадьбу делали или на выпускной. Похоже, что горничные в этом мире – на все руки от скуки. То есть, не от скуки, конечно, а от желания иметь кусок хлеба на день грядущий.

Получается, Зине нужно что-то совершенно новое, что могло бы заинтересовать местных аристократических красоток. Что-то, чего в этом мире не делает больше никто. Но что? Модные современные стрижки точно не зайдут: леди явно предпочитают причёски, и чем сложнее – тем лучше. Зина не могла себе представить леди в пышном платье и со стрижкой "Боб". Даже простой каскад не впишется в реалии этого мира – распущенные волосы леди носят либо на помолвку, либо дома. Для прогулок волосы укладывают попроще, чем для приёмов, но всё равно укладывают.

Можно еще попробовать ввести в моду афрокосы и боксерские косы с канекалоном – их можно уложить в элегантные причёски – будет смотреться очень интересно. А еще плести брейды – на них можно будет цеплять афрокосы и сенегалки, а также, возможно, они придутся по вкусу мужчинам: многие из лордов носят довольно длинные волосы,

заплетая в обычную косу или просто убирая в хвост. Пара брейдов на висках добавят причёске шарма. Да те же локоны или объёмные косы можно крепить на брейды – это должно заинтересовать тех леди, кого природа не одарила густыми и длинными волосами. Этакая альтернатива парикам, при том, что парик может слететь, а локоны, закрепленные на брейды – точно не слетят.

Дреды тоже вряд ли найдут своих клиентов – слишком сильная будет ассоциация со спутанными и грязными волосами бродяг. Этот мир еще не настолько прогрессивен, чтобы носить рабочую форму простых работяг в качестве модной одежды, да еще дырки на коленках в ней протирать. Так что дреды тут тоже будут преждевременны.

В целом, идея с салоном и новыми причёсками показалась Зине довольно свежей – по-крайней мере, стоящей того, чтобы её обдумать. Весь вопрос в том, где в этом мире и в этом времени взять канекалон?

* Канекалон – искусственные синтетические волосы, весьма похожие на натуральные. Бывают как естественных оттенков, так и ярких, цветных.

* Брейды – тугие косички, заплетенные по голове. Брейды можно носить, как сами по себе, так и крепить к ним при помощи специального крючка пряди волос, локоны, африканские или сенегальские косы и т.д.

* Афрокосы, или африканские косички – причёска, состо-

ящая из множества тонких тугих косичек, заплетенных с добавлением канекалона. Другой вариант плетения – когда на брейды при помощи специального крючка цепляют уже сплетенные косы из канекалона. В последнем случае косы можно снимать, хранить и, при желании, использовать повторно.

* Сенегалки, или сенегальские косички – прическа из тонких, туго скрученных по типу каната косичек. Их также можно крепить на брейды, снимать, а затем использовать повторно.

* Боксёрские косы – две объемные французские косы, заплетенные по голове, с вплетением канекалона.

* Дреды или дредлоки – искусственно спутанные пряди волос.

Глава 9

Чем больше Зина думала, тем больше ей нравилась идея с собственным парикмахерским салоном. С утра она еще раз обошла дом, выбрав помещение на первом этаже, которое можно переоборудовать под салон. Сейчас это был своего рода склад ненужных вещей: тут была составлена старая и сломанная мебель, лежали какие-то тюки, рулоны старых штор и ковров. Зачем Эжения всё это складировала, Зина не знала, но предполагала, что, будучи ограниченной в средствах, графиня периодически что-то оттуда продавала. Среди аристократов ведь тоже не все сплошь богачи: кому-то проще купить дешевый стол с отломанной ножкой и починить, чем выкладывать кучу денег за новый.

Зина решила перебрать весь этот хлам – вдруг там есть вполне нормальные вещи, которые можно оставить и использовать для оформления парикмахерского зала? Их она отложит, а остальное сдаст какому-нибудь старьевщику по оптовой цене. Горничные Мила и Дана – считай, готовые парикмахерши, их просто надо немного подучить, показав причёски, которые умеет делать Зина. В дальнейшем, можно еще нанять горничных, раз они все владеют в той или иной мере парикмахерским искусством.

Однако во всём её плане было одно большое "но": все услуги, за которыми современные Зине женщины ходили в салоны, в этом мире и в это время леди получали, не выходя из дома. Массаж, притирания, маникюр, педикюр, причёски и прочее – это всё умеют делать горничные. И любая женщина предпочтёт довериться уже проверенному специалисту, чем обратиться к человеку, мастерство которого ей неизвестно. Да и не в мастерстве дело, а в привычке и в удобстве – зачем выходить из дома, когда все услуги можно получить на дому от собственной горничной, к которой уже привыкла?

Даже если Зина придёт на бал в какой-то новой, не свойственной этому миру причёске – например с собранными в высокую элегантную причёску африканскими косами, то что помешает тем дамам, которые заинтересуются её причёской и захотят повторить, приказать своим горничным сделать такую же? Разобраться и понять механику того, как делается то или иная причёска, для опытного мастера – не проблема.

Кроме того, даже пригласив к себе какую-то леди и пообещав, что её горничные сделают ей такую же причёску, как намекнуть, что это будет платная услуга?

Сначала она хотела сделать так, как сделала бы в своём мире: открыть на первом этаже своего дома салон, повесить вывеску, дать рекламу и ждать клиентов. Но, обсудив свою

идею с мажордомом Карлом, поняла, что это – плохой вариант.

– Ваше Сиятельство, – медленно, подбирая слова, произнёс усач, – не поймите меня неправильно, но, будь вы вдовой или дочерью купца, торговца или ювелира, к примеру, – никто бы вам и слова не сказал. И дамы, вполне возможно, с удовольствием бы пользовались вашими услугами и рекомендовали бы их подругам... Но если этим займётесь вы – то вас подвергнут остракизму.

– Но за что? – удивленно спросила Зина. – Какая разница, кто управляет салоном – купчиха или графиня? Разве не приятней для леди из высшего общества посещать салон, которым владеет такая же леди?

Мажордом смерил её странным взглядом, а затем пояснил:

– Это вызов обществу, леди. Вас съедят, вашему салону объявят бойкот – и ваше дело прогорит. Либо вам придётся обслуживать простых горожанок, что еще сильнее ударит по вашей репутации. Вас перестанут принимать в обществе. Высокородные леди не должны заниматься такими вещами.

Зина нахмурилась, поджав губы: значит, работать и иметь своё дело леди не может, а жить за счет подачек от любовников – вполне? Что за нравы!

Впрочем, в её время многие женщины тоже предпочитают жить именно так – просто самой Зине этот вариант не подо-

дил. Она из простой рабочей семьи: отец-строитель погиб на стройке из-за несчастного случая, когда Зина пошла в первый класс, так что мать всю жизнь хваталась за любую работу – чтобы обеспечить дочке нормальное существование. Даже полы мыла в общественном туалете – а с шестнадцати лет и Зина мыла, после уроков – надо же было матери помочь. Но, видимо, работа на износ подкосила мамин иммунитет – иначе как объяснить, что она сгорела за неделю от банального воспаления лёгких? С двадцати лет Зина жила одна – и, по примеру родителей, не чуралась любой работы. Благодаря матери успела отучиться в парикмахерском колледже, который закончила с отличием, приобрела довольно денежную специальность. Конкуренция, конечно, большая, но и клиентов много – на жизнь хватало, и даже откладывать получалось. Зина просто не могла представить, что можно жить за чужой счёт, не работая. Одно дело, когда мать содержит ребёнка, так как тот ещё маленький, либо, когда муж содержит жену и детей, потому как жена сидит с малышами и следит за домом – тут всё понятно. Но почему мужчины соглашаются содержать взрослых работоспособных женщин, которые им не жены и не родственницы – Зина понять не могла. И представить себя на месте такой женщины – тоже. Не в её это характере, не так её воспитали родители. Впрочем, и лезть со своими принципами к другим людям не торопилась – если всех всё устраивает, ей-то какое дело? Но, видимо, где-то глубоко в душе она осуждала такой образ жизни – за что,

кажется, теперь и расплачивается, оказавшись в теле такой вот, осуждаемой всеми, женщины.

Затем Зина задумалась о перспективах. Может быть, и впрямь спровоцировать скандал в обществе? Пусть Зину изгонят, исключат из этого их высшего света – она едва ли об этом пожалеет, учитывая контингент. Ничего плохого в том, чтобы обслуживать незнатных горожанок, она не видела. Даже наоборот: у дочерей промышленников и предпринимателей, наверняка, финансовое состояние получше, чем у многих аристократов. От того, что её перестанут считать своей в серпентарии, расстраиваться она не станет: зато не придётся увольнять слуг и продавать дом, когда кончатся деньги. Единственное, что её беспокоит – это как такое решение скажется на сюжете?

С одной стороны, Эжения перестанет вращаться в обществе – и спихнуть на неё покушение на герцогиню, будет сложнее. А с другой – её же могут окрестить сумасшедшей и спихнуть на неё не только это преступление, но и еще парочку нераскрытых дел. К тому же Зина просто обязана появиться на нескольких приёмах и балах, которые являются ключевыми для сюжета. После своего странного сна и собственных догадок, она не рискнёт вмешиваться в события романа.

Обдумывая всю эту ситуацию, Зина чувствовала, как у неё начинает болеть голова: так много и интенсивно она даже на экзаменах не думала. И, главное, всё в холостую – выхода из ситуации она не видела.

– И что же делать? – спросила Зина у мажордома. Для чего-то же он ей это всё рассказал – может, и выход какой-нибудь предложит?

– Вы можете предложить леди обмен, – помявшись, ответил Карл.

– Обмен?

– Именно. Вы одалживаете леди свою горничную, которая помогает той с прической, а она вам дарит какое-нибудь понравившееся вам украшение. Исключительно в виде благодарности и симпатии к вам.

Зина в восхищении смотрела на своего мажордома: вот ведь интриган! Такую схему предложил, что и не подкопаться. И налоги платить не надо! Теперь остаётся только подумать над тем, как заманить леди в свой салон, и тем, как правильно намекнуть о вознаграждении.

Первое, о чем подумала Зина – это предложить нечто такое, чего не смогут воспроизвести горничные. Что-то, технологией чего будет владеть только Зина. У дам не останет-

ся выбора, кроме как прийти к ней. Тут-то Зина и подумала про канекалон. В это время синтетические ткани и волокна еще не изобрели, так что надо было найти какую-то близкую замену канекалона. Его можно ведь вплетать и в обычные причёски, добавляя тем объёма и цвета. Местные леди чего только не вплетают в свои причёски, так что цветным прядям должны обрадоваться, по идее. А вот технологию Зина раскрывать никому не станет. Хотя, не исключено, что, если сама Зина найдёт подходящий материал, то и другие люди со временем что-нибудь похожее подберут. Но хотя бы первое время к ней будут ходить, пока не разберутся. А потом, возможно, привыкнут?

Второй "заманухой" могли бы выступить сплетни. Зина уже поняла, что великосветских красавиц интересуют громкие новости и скандалы, связанные с жизнью других аристократов. И ради такой цели, Зина даже была готова предоставить им возможность посплетничать о ней самой. А что? Если пригласить сюда даму – под предлогом создания причёски, и намекнуть, что Зина готова рассказать кое-что о своих отношениях с герцогом Ланттарским, то дама не просто придёт, а прибежит, теряя от любопытства туфли. А уж прибавить новую сплетню к той массе, что о ней и так уже гуляет – не такая уж высокая цена за финансовую стабильность и раскрутку салона. Лучше она будет продавать сплетни о себе, чем своё тело – ведь сплетни в этом случае всё рав-

но идут в комплекте. Только надо быть осторожней, чтобы своими словами не задеть репутацию герцога и не настроить против него его невесту – иначе это уже вмешательство в сюжет будет. Можно, например, придумать себе нового любовника – и пустить соответствующий слух. Это может ей, кстати, в дальнейшем помочь: раз она так быстро переключилась на другого, значит, не сильно дорожила герцогом – и смысла мстить ему у неё не было, как и желать смерти его жене.

Кстати, граф Даниятский прямо просится на роль фиктивного любовника. Вот только одна проблема – сам он хочет быть не фиктивным, а настоящим.

Глава 10

Загоревшись своей идеей, Зина решила покататься по городу и поискать что-то, что заменит канекалон, а заодно посмотреть, какие средства и инструменты для ухода за волосами тут имеются. Попросив Карла послать кого-нибудь за экипажем, Зина поймала Милу и сказала девушке, чтобы та помогла ей одеться, и сама тоже собиралась: они едут по магазинам!

То, что экипаж каждый раз приходится нанимать, было не очень удобно, так как не всегда можно было найти свободный поблизости. Однако дом у Зины был не слишком большой, и места для кареты, как и для лошадей, просто не было. К тому же это явно было девушке не по карману. Так что, как правило, кто-то из лакеев бежал на площадь и, если по дороге не встретился свободный извозчик, то на площади всегда стояло несколько свободных карет, которые можно было нанять.

В принципе, ничего страшного в отсутствии собственного экипажа не было: в городских домах мало кто из аристократов их держал – просто не было места. То ли дело в загородном имении – там у наиболее богатых представителей знати

имелось по нескольку карет и огромные конюшни. Увы, Зина-Эжения не могла похвастаться чем-то подобным, так как никакого загородного имения у неё не было вовсе.

Быстро собравшись, Зина и Мила вышли из дома – как раз к тому времени, как подъехала карета.

– Мила, не подскажешь, где продаются нитки, ткани и всё прочее, что требуется портнихам? – задала вопрос своей горничной Зина.

– Так в Пассаже, – пожала плечами девушка в ответ, – там всё есть. Еще в лавке госпожи Франковец, наверное...

– Отлично. Матис, – обратилась она к лакею, который и нашёл в этот раз экипаж, – сообщи кучеру, что мы едем в Пассаж, а затем в лавку госпожи Франковец. И поедешь с нами: нам понадобится помощь, чтобы донести покупки.

Лакей поклонился, помог девушкам забраться в карету, а затем направился к кучеру, чтобы сесть рядом с ним. Если горничная ещё могла ехать в одной карете с леди, то для лакея существовало место либо рядом с кучером, либо на запятках кареты.

В Пассаже действительно обнаружилось несколько прилавков, торгующих пряжей, тканями и швейно-вязальными принадлежностями. Зину в первую очередь интересовали крючки, а также пряжа, которой можно было бы заменить канкалон. И такая пряжа нашлась: Зина застыла у витрины и

не могла глаз отвести от тончайшей шелковой пряжи разных расцветок. Попросив угрюмую немолодую продавщицу показать товар поближе, Зина провела рукой по мотку с нитками и покатила нить между пальцев. Да, пожалуй, эти шелковые нити лучше всего подойдут. Вот бы им еще придать оттенки, свойственные натуральным волосам... Надо будет посмотреть, какие тут есть красители. Впрочем, цветная пряжа тоже подойдёт: Зина решила, что цветные прядки в волосах будут смотреться свежо и вполне могут разнообразить прически. Сейчас чего только не вплетали дамы в свои волосы, начиная от обычных шелковых лент, заканчивая нитками жемчуга и даже бриллиантами. Немного красок в волосах прическам точно не повредит.

К слову о красках: насколько Зина помнила из истории развития парикмахерского дела, которую им преподавали в колледже, то краски для волос были известны с древнейших времен. Правда, в основном это были либо натуральные красители, либо жутко токсичные химические, а вот массовое химическое производство относительно безопасной краски для волос наладилось только в двадцатом веке. Но какая-то краска должна быть уже сейчас! Тем более, что этот мир – только калька с нашей истории, причем не очень хорошая, и многие вещи тут всё-таки отличаются. Например, обращение "леди" – свойственно для англичан, а вот имена и фамилии больше похожи на французские, да и название денеж-

ной единицы – франки. . . Кажется, этот мир – некий собирательный образ представлений автора об определенной исторической эпохе. И, раз уж тут имеется привычная Зине косметика, то и краска для волос должна быть. Поэтому следующим местом, куда направились девушки, были косметические лавки здесь же, в Пассаже.

Красок для волос, к сожалению, было немного. Осветляющая краска на основе обычной перекиси водорода, черная краска на основе свинца, а также известные всем хна и басма. Свинцовую Зина приобретать не стала, решив, что басма прекрасно может её заменить, а вот свинец опасен для здоровья. Остальные краски были куплены, да не в единичном экземпляре. Учитывая, сколько пряжи Зина уже купила, получился приличный куль, который и отнёс в карету Матис.

Помимо краски, Зина приобрела множество средств для ухода за волосами и укладки, щипцы для завивки волос, которые надо было нагревать на углях, несколько видов бигуди разного размера, кучу расчесок и ножниц, а также нашла местечко, где скупали и продавали натуральные волосы. Их пока Зина приобретать не стала, но на заметку взяла. Всегда найдутся леди, желающие добавить густоты или длины собственным волосам, а шелковые нити, при всех своих замечательных качествах, всё-таки не слишком похожи на волосы при ближайшем рассмотрении, и до канекалона им далеко.

В лавке госпожи Франковец Зина смогла, наконец, выбрать наиболее подходящий крючок, а еще купила там несколько мотков шерсти для валяния и несколько пакетиков разных красителей. Эту шерсть, если покрасить в яркие цвета, тоже можно было использовать в качестве цветного канекалона.

Возвращалась домой Зина вполне довольная собой и покупками. Она даже присмотрела по дороге мебельный магазинчик, где можно выбрать зеркала, столики и кресла для будущей парикмахерской. Вот только заказывать пока рано, ведь помещение еще не готово.

Подъехав к дому, Зина, при помощи Матиса, вышла из кареты, и, оставив их с Милой забирать покупки, поспешила к себе в кабинет: надо было подсчитать расходы и прикинуть, сколько еще свободных средств она сможет вложить в открытие салона. Если что, всегда можно продать что-то из драгоценностей, но эту меру Зина оставила на крайний случай.

Не успела девушка открыть бухгалтерскую книгу и начать вписывать туда расходы, как появился мажордом Карл и сообщил, что её хочет видеть граф Даниятский.

– О-о-о-ох, – простонала девушка. – Да что же он не отлипнет никак! Вы сказали, что меня нет дома?

– Сказал, Ваше Сиятельство. Но граф видел вас выходящей из кареты.

– Черт! – выругалась Зина, понимая, что на этот раз графа придётся принять. – Ладно, проводите его в гостиную, Карл. Я сейчас спущусь.

Граф сидел в гостиной, развалившись на диване, как у себя дома, и небрежно закинув свои длинные ноги на пуфик прямо в сапогах. Зина поморщилась при виде этого, но ничего не сказала. Как-то не принято тут было просить аристократов разуться при входе в дом и надеть домашние тапочки.

– Граф Даниятский, добрый день, – поздоровалась Зина, кивком головы приветствуя гостя, как равного. – Чем обязана?

– Графиня! – воскликнул тот, тут же подскакивая с дивана, и склоняясь в нарочито изящном поклоне, хотя тоже мог ограничиться легким кивком. – Прошу вас, зовите меня Леопольд.

– Леопольд... – эхом повторила Зина, вспомнив вдруг, что это имя на страницах романа встречалось. Про графа Даниятского в нём не было ни строчки, а вот Леопольдом звали того щёголя, с которым целовалась Эжениа на одном из приёмов, когда их застукала главная героиня. Милена была шо-

кирована увиденным, а вот Эжения решила воспользоваться моментом для беседы с соперницей, и попросила "милого Леопольда" подождать её в общем зале. Выходит, настоящая Эжения всё же закрутила с графом роман после расставания с герцогом? Но при этом всё равно отчаянно жаждала вернуть бывшего любовника... Как всё запутанно.

Взглянув на графа Даниятского, Зина увидела на его лице довольную улыбку и поняла, что произнесла его имя вслух, вроде как согласившись таким образом на более неформальное общение.

– Простите, но мне кажется, это будет неуместно, граф, – попыталась исправить свою оплошность девушка.

– Ну, отчего же? – Возразил навязчивый кавалер. – Я буду только рад, если вы позволите называть вас Эжения.

Её имя он произнёс с таким придыханием и так проникновенно глядя ей при этом в глаза, что девушка невольно покраснела.

– Итак, зачем вы хотели видеть меня, граф? – Не поддаваясь на провокацию, повторила свой вопрос Зина.

– Да всё за тем же, несравненная миледи, – соблазнительным голосом продолжил этот казанова, – я устал ждать ваш ответ и пришёл получить его лично.

– Что ж, в таком случае, мой ответ – нет, – строго сказала Зина, чувствуя, как с её плеч упал тяжелый груз. Всё-таки

надо было сразу отказать – тогда не пришлось бы мучиться. Однако граф оказался из тех мужчин, что принимают женские отказы за уловку.

– К чему кокетство, милая? – приторно-сладко протянул блондин. – Мы оба знаем, что вам нужны деньги, а я уж всяко не беднее вашего герцога, и смогу обеспечить вам не только безбедную жизнь, но и все эти милые дамскому сердцу сверкающие безделушки, наряды... Кроме того, я хорош собой: ни один мужчина высшего света не сравнится со мной в красоте. Так чего же вам еще надо?

– "Вы привлекательны, я – чертовски привлекателен, так чего терять время?" – пробормотала Зина себе под нос цитату из известного фильма.

– Вот именно! – подхватил граф, явно услышав бормотания Зины.

– Простите, милорд, но мне это не интересно.

– Но почему? – опешил тот, явно не ожидая, что Зина продолжит упорствовать.

– Потому что я хочу замуж. Мне двадцать шесть, граф. Сколько еще я смогу быть достаточно привлекательной для предложений, подобных вашему? А потом что? Голодная одинокая старость? Так что – извините, но если у вас нет серьёзных намерений, то мой ответ вам – нет.

Зина намеренно выбирала именно те аргументы, которые, на её взгляд, должны впечатлить такого человека как граф.

Начни она говорить о чувствах, о взаимной любви, романтике, о детях – и тот её явно бы не понял. А вот простые и прагматичные доводы заставили его задуматься.

– Что же, – протянул граф, отводя взгляд в сторону, – я понимаю вашу позицию, миледи, и отношусь к ней с уважением. Простите, но я пока не готов расстаться с холостой жизнью – даже ради обладания такой красавицей, как вы.

На этом месте он улыбнулся, но как-то скованно, словно внезапно почувствовал себя неловко – что для человека с его характером выглядело немного странно. Как если бы вся его распушенность и веселость – только маска.

– Пожалуй, не смею вас больше задерживать тогда, – поклонился граф и направился к выходу.

– Граф, – окликнула его Зина, и тот обернулся, не сумев скрыть мелькнувшей в его глазах надежды.

– Вы можете заезжать ко мне просто по-дружески, – предложила ему девушка.

– Боюсь, ваш будущий жених не одобрит такой дружбы, – криво усмехнулся граф Даниятский, – но спасибо за предложение.

Граф уже покинул её гостиную и её дом, а Зина всё не

могла отойти от разговора. Как-то ей было жаль красавчика графа – потому и предложила ему в последний момент свою дружбу. Ну и еще потому, что он был довольно веселым и приятным собеседником, а друзей у Зины не было вообще никаких. Но то, что графу нужна не дружба – весьма очевидно, так что вряд ли он воспользуется её предложением.

На этом Зина оставила свои терзания и отправилась заполнять бухгалтерские книги. А к ужину Карл принёс ей очередное приглашение – на этот раз на приём, на котором она обязана присутствовать по сюжету.

Глава 11

Приём – это не то же самое, что бал. Бал, на котором была объявлена помолвка – это одно, а приём в честь помолвки – это другое. Ну, это как поняла Зина.

И вот теперь ей надо было сшить платье еще и для приёма. Да на этих платьях разориться можно! Когда Зина подсчитывала свой бюджет, она никак не брала во внимание расходы на платья, учитывая, что у неё их целый гардероб. Однако, Мила и Дана в два голоса твердили, что эти платья её сиятельство уже надевала, а повторно появиться в одном и том же в свете нельзя. Когда же Зина посетовала на необходимость экономить, девушки подсказали ей приемлемый выход: перешить одно из уже имеющихся платьев.

Так она и решила поступить. Зина пригласила в гости госпожу Лавинию – ту самую портниху, что шила ей бальное платье – и вместе они перебрали гардероб Эженин, чтобы выбрать платье и обсудить, какие изменения в него внести. В итоге выбрали пышное бальное платье из вишневого бархата, которое госпожа Лавиния сделает менее пышным – так как фасоны для приёма отличаются от фасонов для бала – а также добавит к нему золотых деталей. Например, треугольник лифа сделает золотым, добавит золотую вышивку на ру-

кава и подол, пушит по краю подола золотое кружево.

Прическу Зина тоже обдумывала тщательно – ведь это будет начало её рекламной кампании. В итоге по её просьбе Мила заплела ей вокруг головы французскую косу с добавлением алой шелковой пряжи и вытягиванием "ушек" – для большего объёма. Конец косы они закрутили в улитку на затылке, закрепив шпильками. Золотые волосы Эжени с добавлением алых пряжей смотрелись шикарно – и отлично гармонировали с нарядом. Зина специально подбирала цвет пряжи так, чтобы она отличалась по оттенку от цвета платья – иначе прическа и наряд сливались бы. Но при этом всё вместе не смотрелось аляписто и безвкусно. Единственное, что беспокоило Зину – так это то, что бордовый с золотом – истинные цвета королей. Не сочтут ли её наряд слишком дерзким? Или уже не то время? Наверное, не то, иначе портниха бы подсказала – уж она-то знает, кому и что можно шить.

В оставшиеся дни до приёма Зина готовила будущую парикмахерскую. В выбранном зале она вместе с горничными перебрала и пересмотрела все складированные там вещи, а затем поручила мажордому большую часть вещей вывезти и продать. Остальные были вымыты, выстираны, отремонтированы и использованы по назначению. Заказала Зина и необходимую мебель, которую как раз должны были доставить за день до приёма.

Сам зал тоже был вымыт и отреставрирован: стены по просьбе Зины красиво драпировали цветной тканью, тяжёлые портьеры раздвинули, а окна завесили лёгким тюлем, пропускающим дневной свет. Зина решила, что днём света из огромных, до потолка, окон, ей вполне хватит, а вечером надо будет сдвинуть портьеры и зажечь свечи. К сожалению, электричество, хоть и было уже изобретено, но еще не вошло в обиход, так что все по старинке пользовались свечами, да керосиновыми лампами. Уличные фонари работали на газу, но в доме Эжени газového освещения не было, а Зина не знала, стоит ли его прокладывать, хотя такая возможность, как она поняла, была. В итоге девушка решила, что это не такой уж насущный вопрос, а потому не требует срочного решения.

Получившийся зал порадовал Зину: просторный, элегантный, рассчитанный на пять рабочих мест (хотя горничных у неё было всего две, но Зина мыслила и на будущее тоже). В углу Зина поставила передвижной столик, чтобы можно было угощать клиенток чаем прямо на месте – например, пока они ждут, когда окрасятся волосы. Здесь же Зина организовала и уголок для мытья головы, установив раковину и умывальник над ней – правда, воду придётся греть и носить сюда ведрами. Холодная вода была проведена только в одно место – на кухню, оттуда и распределялась по всему дому. Ведра-

ми, да. Ну, хоть канализация была – и то ладно. А то, будь это реальный исторический роман, Зина ведь могла оказаться и в Лондоне времен великого зловония.

К слову, уделила Зина время и для того, чтобы побольше узнать о месте, в которое её занесло. Выяснилось, что страна, в которой она проживает, носит название Конкордия, и расположена она на территории современной Европы, а если точнее, то занимает её полностью, ещё и часть России прихватывает. Никакой Франции, никакой Англии тут не было и в помине – была одна страна, поделённая на герцогства. Интересно, что в романе об этом не говорилось вообще. Ни название страны, ни где она расположена территориально – только герцогства да графства упоминались. При этом действительность во многом была заимствована из нашей истории – расположение материков, времяисчисление, стороны света, календарные месяцы и многое другое. Основной религией являлось христианство, и год от Рождества Христова шёл тысяча восемьсот пятьдесят шестой.

Что касается других материков и стран, то Северная и Южная Америки тут носили объединённое название – Индеанополис, на их территории обитали только разрозненные индейские племена, а территория России и Азии была объединена под флагами единого государства – Варнавии, с которым у Конкордии сто лет назад была кровопролитная война. Австралию же либо ещё не открыли, либо её просто не

было. Единственный континент, сохранивший своё название – Африка, но там не было никаких колоний, просто дикие и не очень африканские племена. С африканскими и индейскими племенами торговали и Конкордия, и Варнавия, но вот установить на тех континентах своё влияние эти страны друг другу не давали. Наверное, только поэтому африканцы и индейцы могли до сих пор жить спокойно.

Надо ли говорить, что все эти подробности в книге тоже не упоминались? А вот имя правящего короля в романе фигурировало – звали его Георг Второй Понтаклер, по прозвищу Решительный. Понтаклеры, к слову, были правящей династией уже три столетия.

Зина подумывала также и о том, чтобы взять уроки танцев, но вот как это объяснить окружающим, которые прекрасно знали, что Эжения превосходно танцует – этого она не представляла. Может, походить инкогнито в какую-нибудь танцевальную студию, если таковые здесь имеются?

Но это всё – далеко идущие планы, а между тем, вечер приёма настал. Вновь Эжения стоит на подъездной дорожке герцогского замка и пытается заставить себя сдвинуться с места. Если в первый свой визит сюда Зина волновалась из-за массы вещей: не проколется ли она где-то, не опозорится ли, если её пригласят на танец, не обидится ли на неё кто-то

из знакомых Эжени за то, что она его не узнала, – то сейчас её волновало только одно. А именно: как бы не сделать чего-то такого, из-за чего нарушится сюжет, но, в то же время, предпринять определенные действия, чтобы вывести из этого сюжета своего персонажа. Говоря проще: как бы спастись самой, не запоров при этом роман – поскольку автор дал понять, что в этом случае и её ничего хорошего не ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.